

Александр Ермаков

МАХАПСКИЕ ЗЕМЛЕОЛОГИ

Фантастический роман

Александр Михайлович Ермаков

Махапские землеологи.

Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715656

ISBN 9785448540417

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Начало 20-го века. На Землю прилетел инопланетный разведотряд в поисках опасного преступника Галактического масштаба, на арест которого давно имеется санкция. Но арестовать злодея не получается, враг коварен и хитер. Кто победит в этой смертельной схватке: махапские землеологи или молмутский радикал?

Содержание

Молмутский кокон	5
1	5
2	16
3	22
4	28
5	37
6	47
7	54
8	62
9	69
10	75
11	79
12	85
13	94
14	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Махапские землеологи Фантастический роман

**Александр
Михайлович Ермаков**

© Александр Михайлович Ермаков, 2017

ISBN 978-5-4485-4041-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молмутский кокон

Часть первая

1

«Как Земля из космоса красива! Словно маленькая сверкающая жемчужина на темном и холодном дне глубокого океана. Одна-одинешенька, а вокруг никого и ничего – сплошная черная тьма, – подумал Стокар, продолжая наблюдать в иллюминатор, как растет планета. Командир корабля сидел в кабине управления и любовался зрелищем. В черном квадрате голубая горошина быстро увеличивалась в размерах.

Справа по борту промелькнула Луна. Командир сбросил скорость звездолета на треть.

– Леви, сколько осталось? – Стокар обратился к бортовому компьютеру.

– От махапского информбюро! Триста тысяч километров. Пора включать экстренное торможение. Необходимо использовать инерционный потенциал, – ровным металлическим голосом отозвался искусственный интеллект.

– Спасибо, дружок, понял, – астронавт нажал нужные

кнопки и откинулся на спинку кресла.

Пилоты, а их было шестеро, повернулись в креслах и радостно посмотрели на командира:

– Неужели добрались? – выдохнул первый пилот.

– Даже не верится, – произнес сосед.

– За всю дорогу ни одного нервного срыва. Удивительно, – добавил врач.

– Релаксаторы выручили. Дыхательная смесь на высоте, – поддержал химик.

– Как это по-русски? Всю в ажюре! – коряво произнес переводчик.

– Это когда перемычки не рвутся? – улыбнулся электронщик-механик.

– Когда окоченевшие пальцы не гнутся, – командир порвал нить иронии. – Хватит лирики. Рано расслабились. Надо еще красиво приземлиться. По местам!

Краснолицые пилоты отвернулись от штурмана и уткнулись в приборные панели.

Махапский звездолет военной разведки без габаритных огней под углом зашел в плотные слои атмосферы. Включенная маскировка делала пилотируемый аппарат совершенно невидимым. Семиместный челнок-легковес дальнего следования, выполненный из полимеров и облегченных сплавов, прошел облака и, глиссируя, бесшумно заскользил над земными ландшафтами.

Командир, бегая пальцами по клавиатуре, внимательно смотрел на рабочий экран, где, то и дело, появлялись и исчезали тексты, анализы и прогнозы: «Действовать согласно инструкциям, – махап еще раз вспомнил главную заповедь разведчика. – Никакой отсебятины. Курс – Россия. И дальше по пунктам».

Стокар повторил тезисы особо секретного задания. Перед глазами всплыло круглое лицо шефа, и вспомнились слова начальника: «Мы создаем комиссию по отсталым планетам. Ты, как инспектор антиреволюционного комитета, возглавишь новый отдел». Командир корабля почти вслух произнес: «Генерал Зорлиц лично курирует спецоперацию. Ему простые дела не поручают. Начальник штаба внешней разведки последние три дня перед вылетом провел с нами – инструктажи, проверки, советы. Я два часа беседовал с ним – с глазу на глаз. Правилами и параграфами напичкан по самую макушку».

Долгое время в разведшколе Стокар изучал проблемы Земли. Не удивительно, что это дело поручили ему. Свежеиспеченный эксперт-аналитик по геополитическому развитию отсталых планет, землеолог высшего разряда скрепил личной подписью копию договора на долгосрочную операцию, где во вступительной части можно было прочитать: «Я – Стокар Ангивекстор, майор ГРУ вооруженных сил Махапской Федерации системы Трех планет, созвездия Двух

гантель, Галактики Парадигма, прошел полный инструктаж и знаю, что ждет за изоляционной мембраной вдали от родины. По доброй воле соглашаюсь на участие в секретной операции и полностью отдаю решению отчет. Медосмотр пройден. Я в полном порядке, психически здоров, риска не боюсь, враг изучен, подготовку прошел в полном объеме. Верю, что вернусь. Да будет свет!»

Стокар по Конституции был вправе отказаться от участия в операции. Буква закона гласила: «Только доброволец может выходить за пределы галактической изоляции. Только опытный профессионал с практическим стажем не менее ста лет имеет право возглавить экипаж и руководить операцией в отдаленном рейде». Опыт работы инспектора давно превысил все нормативы, а в послужном списке значилось несколько непростых операций за пределами изоляционной мембраны. Бывалого разведчика ждали пенсия и заслуженный отдых, но пассионарный риск и зов отдачи не давали спокойно жить. Стокар был незаменимым специалистом, не спешил на покой и не мечтал о славе. Он умел отдыхать в работе и хорошо знал, что слава для разведчика – это неминуемая гибель, как отравы, которая убивает мгновенно.

У пилотов на экранах появился дремучий лес. Остывающее светило едва касалось верхушек деревьев. Командир подал голос:

– Это Брянщина, Мглинский лес. Глухомань, туманы

и грибы по колено. Будем садиться здесь.

– Леви, какой сейчас год? – второй пилот обратился к бортовому компьютеру.

– Одна тысяча девятьсот седьмой. На дворе начало лета, восьмое июня, Петровский пост. Пора липу драть на лыко, если поздней – кора пересохнет, – бортовик дополнительно сообщил температуру воздуха и атмосферное давление.

– Спасибо, синоптик! Может, в лапти переобуемся и на обратную дорогу навяжем? – усмехнулся командир. – Опоздали на два года. Вот вам и погрешность в расчетах.

– Это еще маленькая. Значит, ускорения прошли не идеально.

– Да, реакционный беспредел власти затушил пожар революции, лишь отдельные локальные очаги возгорания еще дымят и тлеют, – как-то озабоченно произнес командир.

– Это только начало. Реванш неизбежен. Лучше поздно, чем никогда, – выдохнул первый пилот.

– Да, – согласился командир. – Вот наша поляна. Садимся, – Стокар приблизил изображение.

– Может, пора антирадарную маскировку снять? РЛС не зафиксировано. Еще не придумали. Много энергии трагитим, трансформатор перегрелся.

– Привлечем внимание как отражатель солнечных лучей.

– Секундная вспышка – это мелочи. Никто ничего не поймет. Здесь народ темный. Пожалейте аппаратуру, – умоляющим тоном настоял механик.

– Уговорил, снимаю, – и командир нажал кнопку.

На окраине села Нетяговка семилетний мальчик Степка, сидя на лавке, любовался закатом. Солнце утонуло в лесу, махнув на прощанье розовой мантией. Чистая безоблачная лазурь неба обещала на завтра еще один сухой жаркий денек. Палец босой ноги нарисовал в пыли улыбчивую рожицу.

Вдруг яркая вспышка над лесом на какой-то миг ослепила ребенка. Пучок фотонов прошел сетчатку глаза и отпечатался в ненасытной детской памяти. Степка зажмурился и прикрыл глаза рукой. Когда посмотрел снова, увидел странный серебристый объект. НЕчто на секунду зависло над лесом и быстро исчезло в чаще. Через мгновение всё стало как прежде. Верхушки деревьев ловили последние лучи уходящего солнца. Закатное зарево становилось всё меньше и меньше. Голое тело с крестиком на шее ощутило вечернюю прохладу. Мальчик спрыгнул с лавки и посмотрел по сторонам. На улице никого не было, лишь за плетнем во дворе мычала корова, кудахтали куры и хрюкали свиньи. Послышался голос матери:

– Степа, иди, помоги курей загнать!

Мальчик пулей полетел во двор с криком:

– Ма, я щас такое видел! Ангел над лесом пролетал, а крылья светятся!

- Ты соврешь-то, дорого не возьмешь.
- Что мне брехать? Вот-те истинный крест!

По лесным неприметным тропинкам с плетеным лукошком, в поношенном зипуне и в залатанных портах бродил старый дед. Седая длинная борода свисала до пояса и отливала желтизной. Ждан-отшельник, как его называли в округе, неторопливо блуждал между деревьями, слушал птичьи трели и шепот дикой природы. Лесник ковырялся палкой в земле, собирал грибы, ягоды и целебные травы.

Старик никуда не спешил. Его жилище – маленькая рубленая избушка находилась неподалеку у ручья. Давно дед оставил мирскую жизнь и ушел в дебри. На то были причины. Раз в месяц Ждан-отшельник появлялся в деревне, чтобы поменять дары леса на соль, сахар и спички. Всё остальное ему давала природа. Его знаменитые целебные отвары от разных болезней славились во всем Мглинском уезде. Старик доживал свой век бобылем в лесной глуши, оставив счастье и радости далеко в прошлом. Он ничего не ждал от жизни. Но, как ему казалось, жизнь всё еще ждала от знахаря чудодейственных лекарств. Лесник с радостью помогал людям и это его утешало. Дед всё еще был полезным и не лишен смысла одинокого существования.

Вдруг над лесом завис какой-то предмет явно не земного

происхождения. Это чувствовалось на расстоянии. Невиданный объект, как золотой, сверкнул в последних лучах заката и плавно опустился на поляну. Ждан-отшельник от удивления открыл широко беззубый рот, спрятался за дерево и прошептал:

– Мать честная. Чудеса да и только. Инопланетяне, как пить дать, – почему-то решил старик. И сразу слово нашлось подходящее. Частенько, сидя ночью у ручья и посматривая на звезды, он размышлял о братьях по разуму. – Может, мне чудится? Не захворал часом? Мож, грибов переел? – дед высунулся из-за дерева и снова увидел странный объект в форме разрезанной вдоль морковки. Старик ущипнул себя, но видение не исчезло. – Бог ты мой, не мерещится.

Звездолет плавно опустился на поляну. Командир заглушил реактор и обратился к бортовому компьютеру:

– Леви, забор воздуха взят. Проведи анализ на реакцию «МВ».

Через две секунды на экранах появились данные.

– Ого! – присвистнул Стокар. – Это следовало ожидать. Молмутский вирус в разы превышает норму.

Пилоты, не сговариваясь, достали из персональных аптечек маленькие шарики в прозрачных обертках и зашуршали фантиками конфет. Махапы проглотили пилюли и, посасывая лекарство, одобрительно закивали головами.

Командир посмотрел на экран. В лесу начинались сумер-

ки. Радар инфракрасного излучения в диаметре ста метров показал результат. Стокар вслух прочитал:

– Два зайца, три ежика, четыре белки, пять мышей и человек.

– Человек? – пилоты прильнули к экранам. – Откуда он здесь взялся?

– Так, спокойно. Сейчас выясним, – Стокар забегал пальцами по клавиатуре.

Через несколько секунд экипаж увидел на экранах старика с испуганно-восторженными глазами. Он, как замороженный, смотрел на чужеродный летающий объект и крестился.

– Снова погрешность? – ухмыльнулся третий пилот. – Мешать будет.

– Гревер, стрельни в старика сканерной пушкой. Только точно в лоб. Не промахнись, – распорядился командир. – Познакомимся с дедом.

– Нет проблем, – пилот прицелился и нажал кнопку.

На борту звездолета открылся маленький лючок. Из пушки выскочил тонкий луч и уперся леснику в морщинистый лоб. Дед испугался и спрятался за дерево. В кабине управления на рабочих экранах появилась подробная биография старожилы. На шкале заражения стоял абсолютный минимум. Специалисты по скоростному чтению быстро ознакомились с материалом и улыбнулись.

– Знахарь, это хорошо.

- Практически не заражен.
- В атмосфере молмутской заразы в десятки раз больше.
- Что значит самодостаточная жизнь вдали от цивилизации.
- Травка, ягоды, грибочки, натурпродукты. Сам себя лечит.
- Да, друзья, самолечение нам бы облегчило задачу.
- Вот, вам и первый резидент, – Стокар посмотрел на соратников. – Я сам к нему выйду, угощу конфеткой, – махап встал с кресла и поправил умный комбинезон со множеством карманов и кнопок. – Поделюсь из личных запасов.
- Подожди! Зачем он нам нужен, этот лесник? Стокар, ты отклоняешься от главного вектора, – вставил реплику третий пилот. – У нас мало препарата. Если начнем раздавать всем подряд, что получится?
- Ты прав. Но моя интуиция говорит: «Угости, хуже не будет». Друзья, это наш первый встречный и такой удачный. Пусть для него «Триэс» будет бонусом. Вы посмотрите на биографию старика? Пусть воспрянет духом, – командир похлопал себя по боковому карману. – Возьму персональный мультипроцессор. Может, какие просьбы будут у старожила?
- Одну ты уже сейчас можешь исполнить, – вставил пилот.
- Стокар вопросительно посмотрел на медика и тут же сообразил:
- Правильно, Вирзус, – командир наклонился к экрану и нажал несколько кнопок:

– Леви, сделай запрос в центральный Абсолют. Нужен портрет жены Ждана Егоровича Захарова с ребенком.

Из принтера вылезла цветная фотография – мадонна с младенцем. Стокар достал из кармана маленький прибор и с его помощью убрал с задней стороны картинки календарь, заламинировал иконку и повертел в руках:

– Хорошо получилось. Главное, сходство есть. Ну, я пошел.

В лесу порядком стемнело, но старик не уходил. Прижавшись к дереву, он продолжал наблюдать за странным спустившимся с неба объектом, то и дело, нашептывая молитвы. Вдруг из мигающей габаритными огнями чудной «морковки» быстро вышел блестящий ниже среднего человек. Он посмотрел в сторону лесника, ловко спустился по трапу и пошел на сближение.

От неожиданности дед икнул: «Боже мой, спаси и сохрани! Что ему от меня надо? Не убегу ведь, – ноги налились свинцом, а по спине пробежали мурашки. – Куда мне? Догонит, как пить дать». Ждан-отшельник прижался к дереву, закрыл глаза и приготовился к худшему. Вдруг в голове прозвучало: «Не бойся, землянин, я твой друг. Поговори со мной. Ты услышал меня?».

Старик медленно открыл один глаз, а затем второй. Перед ним стоял щуплый чужестранец в сверкающей униформе. Из круглого шлема с прозрачным забралом смотрели приветливые глаза. Ждан собрался с духом и выдохнул:

– Я старый больной человек. Отпусти меня, Христа ради. Мне и рассказать тебе нечего. Могу, разве что, ягодками да грибочками угостить, отсыпать на дорожку. Мож, чё болит? Дык я травку заварю, хворь, как рукой, снимет.

– Спасибо, Ждан, без надобности. Я привез тебе оттуда –

незнакомец указал пальцем в звездное небо – привет от жены и сына. Вот, возьми.

Старику в руку легла цветная фотография. Ждан взглянул и чуть не упал в обморок, дыхание сбилось, а свободная рука легла на сердце:

– Не может быть. Как это понимать? Не зря я молился. Я знал, я верил. Ох. А сыночек, как же его там назвали? Ведь мы не успели. Я хотел Федором.

– Твоего сына зовут Анлос, он служит в крылатом спецназе.

– Ангел что ли? А Луша? – старик с радостной улыбкой смотрел на фото.

– У нее всё хорошо. Она – учитель, на отстающей планете Тормозон преподает аборигенам математику. Лукерья просила помочь тебе, – незнакомец достал из кармана маленький прибор. – Скажи, Ждан, в чем ты нуждаешься?

– Мне бы валенки к зиме и тулупчик, треух еще вроде крепенький, – дед спрятал фотокарточку и с надеждой посмотрел на небесного курьера.

Незнакомец направил прибор и нажал на кнопку. Сверкнула яркая вспышка, и Ждан непроизвольно зажмурился. Он не поверил глазам – в руках появились валенки и тулуп.

Незнакомец спрятал прибор и достал завернутую в белый фантик круглую конфетку:

– Это лекарство укрепляет дух и продлевает жизнь. Лукерья просила, чтобы ты

не торопился на небеса, они никуда не денутся. Ты еще здесь нужен. Проглоти и ступай. Не надо здесь находиться, всякое может случиться.

Дед покорно развернул леденец и положил в рот:

– Вкусно. Мятная что ли?

– Фантик не выбрасывай, сохрани.

– Зачем?

– Потом узнаешь.

– Спасибо, добрая душа, – Ждан-отшельник накинул тулуп на плечи, прижал валенки к груди и, причмокивая, засеменил по тропинке в темень леса.

Инопланетянин проводил старика добрым взглядом, развернулся и поспешил к звездолету.

В дремучем глухом заросшем и непролазном лесу, где, если заблудился, бесполезно кричать «Ау!», в чаще у ручья, под старым кедром пряталась в тени низкая избушка. Густая зелень вековых крон надежно укрывала маленький сруб от ветра и постороннего глаза.

У ручья на пеньке, опираясь на деревянный посох, сидел старый дед. Сгорбленный старик с длинной бородой слушал журчание воды, смотрел в бегущий поток и размышлял:

«Старый я уже, словно пень трухлявый. А, вот, ручей еще

старее, но всё бежит и бежит, никак не иссякнет. Да, вода на Землице-матушке взрослее всех, полезнее и мудрее всего сущего. А когда журчит, будто говорит что-то или смеется. Куда она спешит днем и ночью? Чтобы слиться с рекой, а потом с океаном, испариться и опять сюда? Вот и тучка в небе зависла, подходит окаянная. Не ровен час, и дождик брызнет. Замысел создателя велик, – Ждан-отшельник вдруг постиг круговорот воды в природе и удивился доступности открытия. – Такое ощущение, что я всегда это знал, с самого рожденья. А сколько еще не знаю? Только Бог всё ведаёт и знает, что ждет весь мир впереди. Создатель выжимает облака, как тряпку, и бегут весенние дожди. Для чего небесам наши души? Неужели всех ждет большой любви круговорот? Может, я тоже когда-нибудь встречу Лукерью, любимую Лушу? Где меня ждет моя зазноба? – лесной ручей издал громкое журчание. – Может, ты, студеная водица, дашь ответ? Есть ли там, на небе, рай цветущий?» – Ждан-отшельник был на всё согласен, лишь бы снова повстречать супругу, красивую от природы добротную бабенку с длинной косой.

Много раз лесной ручей слушал от старика грустную историю о том, как молодую жену погубила шайка разбойников. Это случилось в Туле. Молодка была на сносях. В тот вечер она находилась дома одна и ждала мужа с работы. Шайка пьяных лихачей вломилась в дом. Бандиты загнали беременной в живот пулю, забрали кое-что из вещей и скрылись.

Когда Ждан вернулся с работы и увидел на полу мертвую супругу, он в момент обезумел и нарушил громким криком тишину: «Господи, за что? Ведь я молился, жил по совести, постился! Верни мне жену! Лушенька, открой глазки, очнись!» — он стоял на коленях и рыдал, проклиная убийц и весь белый свет.

На крик прибежали соседи. В дверях показались кузнецы и оружейники. Они с трудом оттащили мужика от бабы. Кто-то протянул бутылку водки. Ждану силком залили в глотку стакан спиртовой жидкости и не отпускали, пока бедняга не размяк. Скоро приехали жандармы и неотложка. Тело положили на носилки, накрыли белой простыней и увезли в морг. Алкогольная анестезия сделала свое дело — Ждан бессмысленно проводил свою любовь в последнее земное пристанище и потерял сознание.

Пробуждение было тяжелым. Ждан проснулся совершенно в другом мире. Счастье, мечты, смысл и гармония испарились в одночасье. Вокруг была пустота, а внутри — равнодушие. Утром соседи рассказали, что бандитов поймали и уже запрятали в кутузку. У залетных мазуриков нашли ворованные вещи. Среди награбленного добра оказалось много заводского огнестрела: пистолеты, нарезные обреза и заварные самопалы, а также курковые части и штуцеры. Кузнец Демидов с порога добавил: «Ни один взломали дом негодяи. В управе быстро разберутся. Ждет разбойников каторга, будут греметь кандалами до конца жизни. А, может, глядишь,

и повесят».

Только Ждан ничего не слышал. Он стонал и качал головой: «Для чего мне жить на белом свете без жены, без ребенка? Господи, за что меня так караешь? Зачем плодишь нечисть поганую, какой тебе от нее прок?»

Старик достал из кармана цветное фото, поднес к обескровленным потрескавшимся губам, нежно поцеловал и стал любоваться изображением. Ждан-отшельник посмотрел в небо и улыбнулся:

– Спасибо, господи. Теперь я спокоен.

Проглотив из тубиков метформиновое пюре, экипаж приступил к работе. Командир включил геропротектор. Аппарат поделился средством от старения и выпустил невидимую струйку аэрозоля. Освежитель воздуха с запахом мяты быстро заполнил кабину.

Информация с метеозонда, поступающая в бортовой компьютер, обновлялась каждую секунду. На рабочих экранах менялись цифры, графики и таблицы. Когда появилась цветная картинка Земли в серо-черном облаке пыли, пилоты вытянули шеи и от удивления присвистнули:

- Аура планеты в критическом состоянии.
- Да, требуется большая чистка.
- Это называется «молмутский кокон», – без эмоций произнес командир.
- Как они еще жить умудряются?
- Здесь живет горстка, остальные выживают, – с печальной иронией заключил Стокар.
- Неужели это всё составные части полигата?
- Боюсь, что так. Это то, что мы ищем, – нерадостно улыбнулся шеф. – Хотя здесь много посторонней губительной примеси местного пошиба. Сейчас отфильтруем, – командир нажал нужные кнопки. Серое облако заметно поредело. – Вот. Это чистый молмутский вирус расщепления личности.

Излишки, так сказать. Земляне напичканы им по самую макушку. Цельность природы потеряла свой вес, а в глазах прыгают то ангелы, то чертики. Днем и ночью идет противостояние и борьба с искушением: украсть – не украсть, обмануть – не обмануть, убить – не убить, быть или не быть.

– Кошмар какой, – хором выдохнул молодой экипаж. – Молмутское исчадие даже в распыленном виде диктует свои правила.

– Точно, – подхватил Стокар. – Сила, спесь и снобизм. Это главные стержни любой диктатуры, а всё остальное – паплетра, которую дает вирус двуличия. Смотрите – тип планетарной ауры Земли по шкале благодатности высшей категории. Этот шарик должен находиться в почетной тройке лидеров всей космической зоны данного галактического квадрата. Но правила нарушены, и всё пошло наперекосяк. Сейчас Земля в списке отстающих скатилась на 27 пунктов. Люди думают одно, говорят другое, а делают третье. Идет борьба внутри и снаружи каждой расщепленной личности, война двух враждующих половинок за власть над собственным разумом. Душевный беспорядок выливается и материализуется в жизни, – командир озабоченно обвел тренерским взглядом необстрелянных пилотов. – Давайте еще раз вспомним, как всё произошло. Знаю, что вы отлично усвоили материал в разведшколе, но освежить в памяти не помешает.

– Ну, – начал первый пилот, – это случилось очень давно на Инфоре. Молмутам удалось внедрить в Центр Управле-

ния Галактикой своего агента.

– Это произошло на передовой, – продолжил второй пилот. – Через линию фронта был заброшен опытный шпион. Тогда ЦУГ пропустил гол в свои ворота, а спецслужбы были готовы сгореть от стыда. В ставке ещё не додумались до такой схемы внедрения.

– Точно, – Стокар согласно кивнул, – учимся на своих ошибках. А кто назовет полное имя шпиона?

– Легко, – отозвался третий пилот. – Агентом оказался молмутский машид, фаворит императорской гвардии, клон Укисрака – Люцихан Ферумкорозиер Ржак де Кислон Вредонос Сквренослов Полигат Шестой. Во всех справочниках значится в сокращенном виде, как «Люцифер».

– Да, – согласился командир. – Что было дальше? Только опускайте подробности. Давайте сразу с побега. Как он попал на Землю, как его сюда занесло?

– Хорошо, – ответил четвертый пилот. – Полигат устроил восстание машин. Кибернетический бедлам дал преимущество во времени. Воспользовавшись суматохой, молмут вскрыл сейф Пицкразоца и похитил секретный документ, о содержании которого можно только догадываться. Агент выбрал самую рискованную и небезопасную тактику для побега. На тот момент для врага это был единственный вариант, чтобы исчезнуть и не попасться в плен. Но укисракский отпрыск рискнул, – разведчик посмотрел на соседа.

Пятый пилот принял эстафету и продолжил:

– Шпион сфотографировал мозгом содержимое украденного документа, поместил себя в квантизатор, измельчился до протонов, прошел большой адронный махапский коллайдер, получил большое ускорение, распался на элементарные частицы, сразу попал в дальнобойную аннигиляторную пушку, а оттуда в виде снаряда на фотонных скоростях улетел в заданный квадрат вражеской территории, где его ждали. Это было сродни самоубийству с последующим восстановлением.

– Что было дальше? – Стокар внимательно посмотрел на очередного рассказчика.

– Хорошо работала наша служба РЭБ, – подхватил шестой пилот. За день до выстрела пушки была перехвачена шифровка агента, адресованная молмутскому генштабу. В ней Полигат точно указывал время и координаты места, где пролетит снаряд с квантизованной начинкой спецаргента. Укисрак проглотил нашу «дэзу». Мобильный сборочный цех прибыл в нужный квадрат не вовремя. Аппаратура не была налажена, как надо. Блоки: хитритель, мутитель и восстановитель коллайдера темной антиматерии не включились на полную мощность. Воскрешение укисракского клона провалилось.

– Всё верно, – командир экипажа взял слово. – Сборки не получилось. Снаряд прошел через кольцо ускорительного коллектора и улетел в неизвестном направлении. Через некоторое время капсула с мощами молмутского супермена,

словно метеорит, врезалась в толщу земной коры, породив апокалипсический взрыв, отчего, собственно, и начался ледниковый период. Получился капитальный сбой в программе развития планеты. Теперь, вот, пожинаем плоды. За миллионы земных лет вирус не уменьшился в объеме, а наоборот – он эволюционирует вместе с цивилизацией, бросая умирающий организм и переселяясь в новый. У нас есть санкция на арест преступника. Но только ее некому вручать. Он вроде есть и, в то же время, его нет. Он везде и нигде. Знаете, самое великое достижение Полигата Шестого в том, что он сумел убедить весь мир, что его не существует. Но молмутская частичка присутствует в каждом живом мыслящем организме, в каждом человеке. Злыдень портит страхами сны, делает пошлыми мечты и фантазии, наполняет криминалом желания, строит вредные планы. Его самая заветная мечта – собрать все частицы в одном организме и наслаждаться гиперэгоизмом. Но пока это не осуществимо. Для этого, во-первых, надо найти достойную кандидатуру – сосуд для размещения освобожденной антиматерии, а во-вторых – разом уничтожить всё население планеты, глобальной зачисткой убрать лишних. Слава богу, Энштейн еще не додумался до своей гениальной формулы, а местные ученые не научились расщеплять атом. Но всё идет к этому. Двадцатый век будет революционным и в научной сфере. Технический прогресс, как паровоз, неумолимо бежит вперед. Полигат, как вредный стрелочник, может запросто направить этот бронепоезд в тупик.

А пока молмутское исчадие ада тешится войнами, аккумулируя свои освобожденные частицы, покинувшие тела погибших, в мозгах местных тиранов, бунтарей и революционеров.

— Командир, а что ты думаешь по поводу украденного молмутом документа? — вставил первый пилот. — Чтобы это могло быть? Наверно, что-то очень важное, если нас выдворили за пределы Галактики к черту на кулички?

Стокар обвел экипаж строгим взглядом:

— Я знаю не многим больше вашего, только в общих чертах, но соображения есть. Скорее всего это протокол заседания комиссии центрального конструкторского бюро с подробными формулами изготовления изоляционной мембраны. Сейчас наш галактический щит безупречен. Но если этой инфой завладеет Укисрак, сами понимаете, наша Галактика станет уязвимой. Вот почему так важно остановить Полигата, обезвредить преступника, не дать ему собраться и улететь в Чернодырье.

В 1905-м году царская Россия переживала тяжелые времена. Империя еще не оправилась от поражения в русско-японской войне, как грянула революция. Еще не зажила на теле российского самодержавия глубокая рана Цусимского поражения, как трехвековой пожилой организм царской династии потрянула революционная лихорадка.

Война на двух фронтах царскому двору была не под силу и вконец истощила казну. Император, взваливший на себя непосильную ношу абсолютной власти, на слабовольные плечи тяжелый крест политических интриг, на беспечную натуру невыносимое бремя ответственности, с трудом скрывал некомпетентность и несостоятельность.

Да, война на востоке была проиграна, но прогремела очень далеко от Царского Села. Император толком и не понял, что произошло в водах Тихого океана, не осознал в полной мере всю горечь трагедии. Он воевал над штабными картами и передвигал оловянных солдатиков, отправляя на верную гибель бесстрашных русских моряков, героика которых поражала превосходящие силы противника.

Озверели японские боги. Дружба островной власти с главным политическим интриганом по части колониальных захватов – английским империализмом, заставила поверить

в свою исключительность и силу. Теснота и вероломство толкнули самураев на подлость. Самонадеянно и резко шагнув из феодального строя в капиталистический, укрепив харизму нации военной индустриализацией, вооружившись лучшим английским оружием, японцы с непоколебимой наглостью, циничной дерзостью и слепым фанатизмом развязали свою «священную» войну за расширение империи, захватывая новые территории в бассейне Юго-Восточной Азии.

Возвращались с проигранной войны битые русские солдаты и матросы, оставив узкоглазой нации Порт-Артур, Южный Сахалин, померкнувшие армейские штандарты и полтонны брошенных икон. Российский кордон уменьшился, и даже Николай Чудотворец в этот раз не смог помочь избежать поражения.

А вторая война была здесь, под боком, в собственной стране, в империи, за которую последний Романов нес ответ перед богом и своей совестью, в доме, который Николай по ходу истории и воле судьбы взялся благоустроить и подтянуть до европейских стандартов. Эта война была пострашнее далеких восточных баталий и заставляла размышлять о многом. Как спасти престол от бунтарей? Массовый протест самодержавию, как лесной пожар, за короткое время поглотил всю страну. Как прожить с террором и разбоем? Как из почвы выдернуть этот вредный сорняк? Бомбы в аристократов, в знатных чиновников и в военных министров летели со всех

сторон. В мутных водах анархии и классовой борьбы грабежи и убийства стали обычным явлением.

Наедине с самим собой, утопая в раздумьях, Николай часто вспоминал предсмертные слова отца: «Сынок, ты начитанный, порядочный, человечный, языками владеешь, словом – не осел. Но престол тебе не потянуть. Нужны: характер, крепкая воля, решительность. Твоя беспечность тебя же и погубит, мягкотелость сыграет с тобой злую шутку. Пусть лучше наш Мишель садится на трон. А ты не лезь в политику, займись лучше образованием».

«Мать тоже была против, – размышлял Николай. – Так и не присягнула, отстранилась, плюнула на семью, спрятавшись от российского бардака на чужбине. Конечно, в Дании тишина и покой, не то, что здесь. Может, она права? Для чего я повесил на себя это ярмо? Это уже не подростковые игры и не юношеские хмельные вечеринки с друзьями. Может, это всё от чувств к супруге, которую по-прежнему люблю, к той, кого народ называет царицей? О, моя Алиса, моя желанная Александра! Я тебя обожаю и молю господу, чтобы скорее оздоровил твою душу!»

Николай, как никто чувствовал и понимал мать, хотел жить в мире и покое, но всё как-то не получалось. Прозвище «Кровавый» говорило само за себя и тяготило душу. Царская служба окатила романтика и любителя поэзии студеной водой реализма. Идеалистическое мироощущение скомка-

лось, как черновик наивного сочинения. Царь пытался найти выход из кризиса, продвигал выборных из народа, собирал, разгонял Госдуму. Николай хотел понять природу беды. И однажды до него дошло, когда в руках оказался немецкий труд – «Капитал» Маркса. Император листал пособие по реконструкции мира, читал и покрывался мурашками от страха: «Бунт – дитя, а царский строй – утроба». Николай держал невиданную бомбу, только не знал, как ее обезвредить.

«Эта жуть замедленного действия, – роились мысли в голове молодого царя. – Кто приведет в работу этот дьявольский механизм? Я боюсь за свое семейство и за доверчивый народ. Обещай отсталому русскому мужику свободу, земли, конец нищете и лепи из него, что хочешь. Да, есть, кому народные мозги пудрить. Есть такой хитрец. Он умен, решителен, прекрасно образован, труд Маркса давно изучил от корки до корки. Он большой специалист фигурного катания и конькобежного спорта – на коньках самообладания и прозорливой интуиции скользит по плоскости политических интриг, оставляет на льду запутанный след, мастерски объезжая тупики, ямы и ловушки. Ненависти в этом государственном преступнике – хоть отбавляй. Но зачем всё это Ульянову? В чем суть? Может быть, задета честь и хочет отомстить за брата? Или хочет согреть массы счастьем и справедливостью, избавить сложный мир от всех бед? А куда, скажите на милость, обиженному деться? Ну, конечно, без волокиты – в расход и на небеса. А что церемониться?»

Царь аккуратно укладывал учебник-бомбу, книгу-динамит на стол, чтобы, не дай бог, не произошла детонация. Волнение охватывало императорскую душу. Николай снова вспоминал венценосных предков: «Знаю, всем было трудно. От разбойных бунтов и крамол не раз шатался трон. Не легка Романовская доля. Скоро триста лет, как Кремль принадлежит нам. Но ведь всегда была крепкой воля! Каждый из пращуров был непреклонным стражем порядка».

В разгар великих беспорядков 1906-го года Николай однажды впал в раздумья и вспомнил разговор с премьер-министром после взрыва на Аптекарском острове. В тот трагический день у Столыпина от бомбы пострадали дети, а также простые люди, пришедшие с прошениями на прием. Террористы-смертники Столыпинскую дачу в считанные секунды превратили в груды развалин. Петр Аркадьевич, преодолев душевную боль, тогда заявил: «Не убил террор людскую муку, а усилил во сто крат. Я не сломлен. Твердо заявляю – выбранный курс реформ буду продолжать. Надо спутать мужика фермерством по рукам и ногам. В революцию и в смуту частного собственника уже на аркане не затянешь. Если ты вложил в хозяйство ссуду и свой клочок земли имеешь, тебе с террористами не по пути. Ведь кто бомбами швыряется – ленивые тунеядцы и бездельники. Всё сломать – нет пользы и героизма. Если не дошит ковер, не надо начинать но-

вый. Надо изучить устройство петли, технологию и дошить, узоры сохраняя. Террористам нужен шквал великих потрясений, а нам нужна великая Россия. Беспорядки буду и дальше подавлять, военно-полевые суды дадут результаты. Нечего с этим сбродом церемониться. А убьют меня, придут другие. Здравый смысл все равно взойдет на пьедестал».

Император вспомнил деда после покушения. В памяти всплыла красная от крови кровать и умирающий организм пожилого монарха: «Я был так мал. Смотрел на агонию дедушки больше с любопытством, чем с сожалением и не понимал, что когда-нибудь сам могу стать для врагов самодержавия такой же мишенью». Николай вспомнил страшную гибель великого князя. Бомба террористов буквально разорвала двоюродного дядю в клочья. Злая острота бомбистов – «наконец-то пораскинул мозгами», как насмешка, больно жалила в самое сердце: «Только со смертью дяди Сережи я всерьез осознал, что смерть ходит рядом. Но мой поезд набрал скорость и тормозить поздно.

Хорошо, что у нас есть заступник – Распутин! Заблуждаются те, кто утверждает, что он якобы одержимый. Нет, Григорий – святой ясновидец, верный и дорогой друг семьи. На жену влияние имеет, благотворно лечит ей невроз. Как долго он сможет сохранять нас от расправы? Вот, что меня волнует».

Еще до появления в доме Романовых Распутина царица, мучаясь душевной разрухой, всё чаще перед сном пила снотворное и давилась дымом папирос. Однажды ее разбудил среди ночи кошмар, в котором огромная, как бочка, зеленая муха гонялась за ней по Аничкову саду и жужжала в спине: «Я из Гессена! Приюти!» Напуганная женщина разбудила мужа: «Дорогой, опять кошмары. Моя голова не выдержит. Скажи, кто вдохнет в мою душу снова радость и силы?»

Царице нужен был лекарь, женщина ждала исцелителя. Мистика таилась в немецких генах. От бабушки досталась неподконтрольная стихийная решительность, а от матери – склонность к оккультизму, которая, как химера, ждала момента, чтобы проявиться. Алиса-Александра была уверена – психика страдает от понимания, что она не в состоянии подарить мужу наследника. Дочки: Ольга, Татьяна и Мария быстро превратили мать в нервный ком. А потом еще Анастасия – четвертая дочь добила мать окончательно. От истерик и депрессий царица дергалась лицом и пугала прислугу, перемещаясь по дворцу в инвалидной коляске. Несчастная женщина, в ожидании наследника поддавалась гипнозу. Один раз самовнушение было таким сильным, что надулся живот. Тогда доктор вынес вердикт – ложная беременность.

Вновь возобновились ночные кошмары. Однажды царица увидела сон, как родила на свет маленького чертенка с рогами и копытцами. Громкий истошный крик «Нет!» разбудил мужа. Частенько Алиса содрогалась всем телом от неяс-

ных звуков. Хлопки, стук, вечерний звонок, дверной скрип вызывали у нее массу тревожных ассоциаций. Очень скоро больная женщина затащила в своё болото предрассудков мужа-слабака. Перед сном со страхом в глазах жена печально шептала супругу: «Ники, дорогой, мне так паршиво. Умоляю, найди лекаря. Не жалея рублей. Кошмары и беспокойство меня уничтожат. Россия такая большая. Неужели в ней нет хороших знахарей?»

Сколько было рядом проходимцев и шарлатанов? Трудно сказать, зато каждый был лучше прежнего. Но не те мелькали лица перед царицей, не те чародеи предлагали свои рецепты. Исцелитель так и не приходил.

Всё же снизошла с небес божья милость. Бабкина решимость благословила внучку на очередную беременность. Алиса понесла под сердцем плод любви. Вновь царица тяжелая ходила по дворцу. А когда пробил час, подарила свету славного мальчонку. Есть наследник! Спасен престол! Ники был на седьмом небе от счастья и вывел в личном дневнике радостные строчки. Теперь не надо брату Мише отдавать атрибуты власти. Никого, кроме бога, нет выше, а недовольство матери со временем пройдет.

Но злой рок преследовал царское семейство. Вновь у жены начались истерики и кошмары. Проявилось генное злодейство – цесаревич Алексей, маленький мальчик Алеша оказался болен. Страшная болезнь – гемофилия с древних

времен была карой для королей. И редели ряды помазанников божьих. Избранная каста брезговала смешением кровей и несла невосполнимые потери. Брак сестры и брата внутри семьи оборачивался для следующего поколения страшной бедой. И, почему-то, касалась горькая расплата всегда только мальчиков. Страх за стерильность царской крови, долг, высота над миром и закрытость обещали венценосным кланам деградацию и крах вырождения.

Полночное звездное небо над дремучим лесом, таинственный, мигающий габаритными огнями, космический корабль, сияние полной луны делали картинку нереальной и таинственной.

Экипаж махапской разведки был полностью увлечен работой. Пилоты сидели на рабочих местах и, склонившись над многофункциональными панелями, нажимали на кнопки. Инопланетяне посматривали на экраны мониторов и беседовали. Командир, на вид слегка усталый, поделился свежими мыслями:

– К нам приходят тысячи сигналов и все из разных очагов. Но задача, сами знаете, какая.

– Да, – отозвался первый пилот, – надо найти сосуд-накопитель.

– Вычислить его место нахождения и как-то разрядить обстановку, – добавил второй пилот.

– Помочь аккумулятору антиматерии стать генератором позитива, – продолжил третий пилот и нахмурил бровь.

– Правильно, – буркнул командир. – Надо действовать предельно корректно, очень тактично, скрытно и аккуратно. Ещё раз повторяю – в реале Полигата нет! Поэтому на этот раз линия фронта пройдет через мозговые нейроны объекта-накопителя. Для нас это новшество. Эх, за что я люблю

театральные премьеры?! За перворожденные эмоции и чувства. Повторение пройденного материала – это уже не то. Появляется какая-то усталость, автоматизм выходит на передний план. Так вот – линия фронта. Черепная коробка имеет границы, а мозг – объем и массу. Но внутри границ нет. Так что насколько протянется наша линия фронта, я ответить не в состоянии. В любом случае мы всё увидим на экранах и, если что, сможем внести корректировки и вмешаться в процесс. Давно в «эргпэгэшки» не играли?

– Давненько, – улыбнулся четвертый пилот. – Но какая же это игра, если на кону жизнь умного человека?

– Всё верно. Я, так, образно выразился. Несомненно, это не игра, это больше, чем серьезно. Наша секретная операция очень ответственная и важная, – Стокар многозначительно поднял указательный палец.

– Шеф, а тебя не смущает, что таких сосудов на Земле огромное количество. Что толку, если мы очистим от скверны всего один? – подал голос пятый пилот.

– Да, здесь работы – непочатый край. Но, друзья, мы действуем строго по инструкциям центра. В наши планы не входит массовая вакцинация всех обитателей планеты. Наша группа здесь лишь для того, чтобы определить место нахождения Полигата и его форму существования. Также надо протестировать «Триэс» и новые секретные приборы, – командир слегка постучал пальцем по приборной панели. – Это уже потом, на Инфоре, соберется комиссия жизнеобес-

печения и, на основании моего отчета, будет решать, что делать дальше.

– А почему именно этот сосуд? – не удержался шестой пилот. – Революция вроде заглохла, а объект убежал за границу и залег на дно.

– Всё верно, – в круглых, как у совы, глазах Стокара плясали отраженные от экрана тексты и картинки. – Эта рева всего лишь легкий променад, проба пера. Главная заваруха впереди. Реванш неизбежен, – командир обратился к бортовому. – Леви, покажи нам политический прогноз планеты на сорок лет вперед. Что ожидает российскую империю в ближайшее время?

Из динамиков выскочил ровный металлический баритон: – От махапского информбюро! Прогноз готов. Включаю.

Пилоты устали на экраны. Скованные вниманием, махапские землеологи молча смотрели на быстро мелькающие картинки, справочные тексты и цифры статистики. Мастера скоростного чтения легко справлялись с большими объемами пояснительных записок и с частыми сменами исторических эпизодов. Лица разведчиков стали серьезными и печальными.

– Ого, – присвистнул первый пилот, – что ожидает Россию?

– Что придумал этот гад. Тьфу! Всё никак не проглочу истину, что его не существует, – выдохнул второй пилот. –

Поправлюсь. Какое губительное действие у частиц молмутской антиматерии.

– Сколько жертв! – ужаснулся третий пилот и прикрыл ладонью открытый рот.

– Да, – отозвался командир, – Первая Мировая, революция, гражданская война, сталинский режим, Вторая Мировая. А все освобожденные частицы антиматерии найдут новый сосуд, молмутская пыль соберется в очередном достойном объекте. Прогрессия налицо. А финалом будет полное уничтожение населения планеты. Полигату всего-то надо дожидаться изобретения ядерного оружия и большого адронного коллайдера. Вот тогда клон Укисрака покажет миру фокус – «рождение Люцифера». Исчезнет цивилизация, но появится он в новой увеличенной массе, полный сил и энергии. Как бы папин авторитет не померк с появлением в просторах Чернодырья новоиспеченного сыночка. Так что, друзья, наш экипаж бессилен что-то кардинально изменить, но маленькую лепту внести можем – сунуть злыдню в колесо палку. Попытаемся немного изменить ход истории.

Вдруг замигала тревожная кнопка, а бортовой компьютер доложил:

– Внимание! Опасность! В наш квадрат стягивается свободная антиматерия!

Пилоты быстро обменялись взглядами, а командир выпалил:

– Включить маскировку и утратить плотность защитного купола! Леви, выведи частицу Полигата в увеличенном виде на экран!

Исчезли габаритные огни, а звездолет выпустил вверх струю молочного цвета. Жидкость, как фонтан, растеклась во все стороны, образовав полусферу. Как только купол коснулся земли, он стал прозрачным. Но внутри было пусто – космический корабль исчез. Прочная изоляционная маскировка скрыла летающий объект от всего сущего.

На экране появилась молмутская частица, увеличенная бортовым микросферным наноскопом. Это был черный волосатый шарик с желтыми злобными глазками и широким зубастым ртом. Командир поморщился и распорядился:

– Быстро готовим трояна. Гревер, займись начинкой.

– Понял, – отозвался пилот и забегал пальцами по клавиатуре.

Послышался голос бортовика:

– Туча проходит прямо над нами, сбавила ход, пошла на снижение.

– Куда она направляется? – прозвучал голос командира.

– Без картинки затрудняюсь дать точные координаты.

– Троян готов! – доложил пилот.

– Ну, наконец-то. Вроде успели. Выпускай, – Стокар облегченно выдохнул и потрогал нос.

Из корабля в ночную темень вылетело нано технологиче-

ское чудо – «дух-лазутчик» в оболочке молмутской частицы и быстро слился с тучей черной пыли. На экранах пилотов появились тысячи желтых глаз, налитые злобой. Это были попутчики – свободные радикалы, для которых еще не родились на свет новые сосуды. Микроскопические камеры наблюдения робота-оператора, а их было шесть, показали происходящее с боков, снизу, сверху, спереди и сзади. Рабочие экраны пилотов мгновенно разделились на шесть квадратов, в каждом из которых появилось автономное изображение.

– Работаем по старой схеме. У каждого свой квадрат наблюдения. Я сам поведу лазутчика, – и командир приблизился к экрану.

Наступило молчание. Стокар успевал просматривать все ракурсы. Сосредоточенность и напряжение заполнили кабину управления. Пилоты застыли перед экранами, ожидая развязки. Металлический баритон бортовика разрядил обстановку:

– Туча остановилась на высоте 72 метра, расстояние от корабля 3 километра в западном направлении, точные координаты...

– Не надо, спасибо, – командир оборвал искусственный интеллект и уставился на экран.

В нижнем квадрате все увидели заросшую пещеру. Длинные корявые корни старых деревьев свисали над входом. Черный полный мрака проем был в несколько раз выше че-

ловеческого роста и пугал неизвестностью. Полная луна, как фонарь, освещала поляну, и был отчетливо виден страж таинственного грота. Перед входом, положив морду на передние лапы, дремал на караульном посту огромный бурый медведь. Ошейник и ржавая цепь надежно связывали хищника с огромной каменной глыбой. Поляна перед хозяином леса, усеянная костями животных, источала фосфорическое свечение. Из динамиков слышался звериный храп. Стокар убавил громкость и включил лазерный сканер. Тонкий луч измерителя машинально снял габариты косолапого хищника. Нос медведя был таким огромным, что на него вряд ли бы налезло стандартное десятилитровое ведро.

Когда часы показали полночь, медведь встрепнулся и посмотрел в небо. Циклопических размеров зверь недовольно рявкнул, с трудом поднялся и отошел в сторону. Корни деревьев, закрывающие вход, зашевелились и раздвинулись. Зловещий зев распахнул объятия. Туча пошла на снижение и устремилась в проем. Мрачная пещера, словно гигантский пылесос, втянула в себя антиматерию и опустила корни. Медведь не спеша занял прежнее место, загородил огромной тушей замаскированный вход, закрыл глаза и захрапел.

Экраны пилотов затянуло серой рябью помех. Командир почесал затылок:

– Не понял. Почему нет сигнала? Камеры работают, ла-

зутчик в норме.

– Может, там другое измерение? – предположил четвертый пилот.

– Какое другое? – Стокар не скрывал недоумения. – Ставка утверждает, что в пятом его нет, в шестом тоже. Пицкразоц контролирует тонкий план. Седьмое измерение для нашей Галактики еще не сформировано и в стадии разработки. Для молмутов тоже оно закрыто. Ладно, рискну и нарушу инструкции.

Командир включил блок аналитического резерва и нажал кнопку. Переключатель измерения показал цифру «5». На экране ничего не изменилось. Стокар коснулся пальцем другой кнопки. Вспыхнула цифра «6». Экран продолжал мельтешить помехами. Семерка также не дала результатов.

– Пусто. Ничего не понимаю, – удрученно произнес командир и обескураженно посмотрел на пилотов. – Может, ввести десятые доли и вернуться назад на автопоиске?

– Попробуй. Тогда и сотые вводи, авось повезет.

Когда на табло высветилась цифра «6,66», туман на экране вдруг рассеялся, и появилось изображение. Пилоты облегченно выдохнули и заулыбались:

– Нашел-таки себе свободную нишу.

– Ну, конечно, хитрец так любит шестерки-перевертыши, а еще больше полутона.

– Тихо! – командир прильнул к экрану. – Смотрите!

Туча продолжала полет. В ночном безоблачном небе светила полная луна, освещая простор безвременья. Вдали показалась горная круча. На горе возвышался средневековый замок с башнями и острыми шпилями. Над зловещим каменным сооружением, каркая, летали черные вороны. Вдруг ворота распахнулись сами собой, а в окнах загорелся электрический свет. Туча напрямик направилась в замок и растворилась внутри.

– Умная резиденция встречает хозяина, – ухмыльнулся командир.

– Похоже на то, – пилоты переглянулись.

– Леви, что это за местность? – Стокар поднял голову и спросил потолок.

– В этом измерении наши зонды и вычислители не действуют, – доложил бортовой компьютер.

Экраны показали просторный кабинет в устрашающе-величественном готическом стиле: высокие потолки, арочные своды и мозаичные витражи. На стенах в кованой отделке электрические фонари излучали тусклый дрожащий свет, а под потолком искрила здоровенная люстра. Вдоль стен стояли огромные книжные шкафы с дубовыми филенчатыми дверями. Массивный прямоугольный стол и высокое кресло были обтянуты иссиня-черной кожей. Медные клепки надежно крепили обшивку к мебели. Старые фолианты и манускрипты продавили книжные полки. Слева от рабочего ме-

ста за железной решеткой находился холодный камин, отделанный черным и белым мрамором.

Облако пыли зависло над креслом и вылепилось в человеческую фигуру без головы. Лишь одна частица не приняла участия в сборке. Дух-лазутчик отлетел в сторону и продолжал передавать махапским землеологам видеoinформацию, прокручивая, снятое с шести ракурсов, звуковое кино. Темная личность медленно опустилась в кресло и положила руки на стол.

У Стокара пробежали по спине мурашки. Он тихо прошептал, как будто враг мог услышать:

– Ну здравствуй, Люцихан Ферумкорозиер Ржак де Кислон Вредонос Сквернослов Полигат Шестой. Только почему ты без головы? Ах, ну, да – частиц не хватает. Значит, болеешь? – командир набрал текст шифровки. – Вирзус, закодируй и отправляй.

Через минуту в эфир ушло донесение: «Совершенно секретно. Стокар – Зорлицу. Полигат найден в распыленном виде. Арест невозможен. Пробеите измерение „6,66“. Возможно, там его ниша»

На экране у Полигата появилась голова, такая же черная и гладкая, как всё тело, но исчезли руки. Затем опять всё стало, как прежде – голова исчезла, а руки вновь легли на обшивку стола. Только на правой не хватало запястья.

Стокар мстительно улыбнулся:

– Что, чертяка, не получается, уменьшение грозит? И посочувствовать некому, – командир заглянул в папку статистики и обратился к экипажу. – Сейчас на Земле рождаемость выше смертности. Этот факт молмуту не мил. Каждая новая жизнь забирает у него очередную частичку антиматерии. Полигат не в состоянии остановить процесс. Антитело, управляемое инстинктом самосохранения, спешит обезопасить себя в новом живом субъекте. А, может, просто сепаратизм в почете. Было, у кого поучиться. Я так понял, что наладить контроль над своим распыленным организмом Люцихану не удастся. Но в то же время смерть человека возвращает пазл в общую картину. Молмут хочет поменять статистику. Этому гаду нужно больше смертей. Ему необходима война, большая война. Только так он сможет продолжить сборку и восстановиться. Вредонос, словно паук, плетет смертельную паутину в сознании человека, заставляя совершать подлости, хитрить и ненавидеть. Он открывает тай-

ные вентили и направляет нейроны по скрытым каналам разума, включая рецепторы удовольствия. У жертвы сразу возникает рефлекс и желание на повтор преступного акта. Человек понимает, что нарушение морального кодекса может доставлять наслаждение. Многоименный паразит – автор всех низменных инстинктов и жестокой конкуренции за выживание. Слабые умирают, отдавая ему освобожденные частицы, а сильные идут дальше. Но эта беспощадная пирамида когда-нибудь закончится и на ее вершине останется только один. Это и будет главный сосуд, куда перейдет вся собранная антиматерия.

– А ниша, этот замок, кабинет, что это? – спросил шестой пилот. – Похоже на лежбище, на секретный бункер, на тайный погребок.

Командир быстро нажал нужные кнопки. На экранах кабинет покрылся еле заметной розовой пеленой, которая ментально исчезла:

– Видели? Я так и думал. Всё ясно, – Стокар откинулся на спинку кресла.

– Шеф, не томи. Что тебе ясно? – бросил первый пилот.

– Его ниша – это, всего-навсего, клубок эктоплазмы с повышенной плотностью эонов. Это его сознание! – командир триумфально обвел экипаж расширенными глазами.

– Хочешь сказать – чувства, воображение, фантазия, мечты и желания? Он что, внутри себя?

– Ну, да. Получается, что так. Когда будет готов крепкий

сосуд, Полигат в него поместит всю эту туманность. Только здесь молмут оставляет себя в покое и безопасности, – Стокар продолжал радостно сверкать круглыми глазами, – ведь он совсем кроха, если так можно назвать то, чего не может быть. Только здесь частицы его слушаются, но заманить – большая проблема. Здесь он запросто из песчинки может превратиться в кровожадного монстра, а потом рычать, высокопарно басить и отдавать приказы.

– Кому? Этого еще не хватало, – выпалил второй пилот.

– Не знаю кому, чертям, ведьмам, упырям, наверное. Думаю, их тут немало. Всем, кого наплодила его эктоплазма.

– Значит, молмутский микроб может превратиться в циклопа, а мы даже не вооружены, – попытался пошутить третий пилот.

Командира потянуло в философские рассуждения:

– Зря бытует мнение в народе, что чем размеры больше, тем страшней. Все беды от маленьких размеров, но очень больших амбиций. Это неоспоримый факт. Мелкие пупки с больным самолюбием начинают разрушать гармонию природы, кроить устои на свой лад, разжигать войны, сеять раздоры и ненависть. Тот, кто бредит абсолютной властью и для смертных хочет стать богом, кто в Нероны метит днем и ночью, мечтая обсыпать мир лепестками роз, чтоб задохнулось всё живое, тот никогда не поймет главного. Секрет счастья прост. В любви, в согласии жить несложно, надо только во всем знать меру. Но у всех на всё своя есть мера, и очень

часто крест не по плечам. В конечном итоге «пуп Земли» некрупного размера сломается под грузом как спичка.

– Мы тоже не большие, – с улыбкой заметил четвертый пилот, – а взваливаем на свои плечи тяжелые задачи. Как бы спину не надорвать.

– Что за пессимизм, Бялер? Ты медосмотр точно проходил или сам заключение состряпал? Мы, махапы, давно научились работать, искать зло, делать прогнозы, идти на ход вперед. Мы, землеологи, понимаем суть проблемы и вооружены нужными знаниями по самую макушку. А всё потому, что мы другого уровня. Для нашей расы это пройденный этап. Ладно, хватить воду лить, надо поработать. Мне нужен экземпляр вируса под микроскопом. Надо протестировать «Триэс». Мирзус, готовь «Замануху».

– Чем будем заманивать? – отозвался пилот.

– Думаю, крошечный макет человеческого эмбриона подойдет. Пусть лазутчик остается на посту. Картинка и разговоры оттуда нам только на руку.

Ловушка антиматерии замигала красной лампочкой. Раздался тонкий писк сигнального зуммера. Стокар вздрогнул и открыл глаза.

Пилот повернулся к командиру и доложил:

– Сработала сигнализация фикционного модуля! В Заманухе что-то есть. Сейчас поглядим.

– Давайте гада под микроскоп. Посмотрим, как на него

действует наш препарат. И, если всё отлично, то, – командир не договорил, а только потер ладони.

– Готово. Антитело в блоке детального анализа, – деловито произнес помощник и крутнулся на кресле.

Стокар достал контейнер с препаратом для опытов, поставил стеклянную коробочку на стол и посмотрел в окуляр микроскопа. На разведчика смотрел черный волосатый шарик с желтыми глазами и зубастым ртом. Это был сгусток злобы и ненависти. Махап разглядел вместо носа маленький пяточок, а во рту раздвоенный змеиный язык. Микроб щурился от яркого света и что-то кричал. Стокар проходил в разведшколе артикуляцию врага и по губам легко понял смысл эмоциональной брани.

– Ну, что там? Шеф, не томи, – произнес сосед слева.

– Буянит, корчит рожи, белый свет материт. Для него фотоны – страшный аллерген, – не отрываясь от микроскопа, ответил командир. – По-другому просто не бывает. Сейчас включу громче и с переводом.

Стокар добавил громкости. Экипаж услышал в динамиках тонкий писк:

– Махапские ублюдки, выключите свет! Откуда вы взялись, краснорожие обезьяны? Я вас всех покусая, порву на тряпочки! Понял, да?

Первой пошла под микроскоп микрочастица сердобола. Стокар, наблюдая в «глазок», метко прицелился и «плюнул»

из нано штуцера в открытый рот черного шарика препарата. Антитело проглотило пилюлю и громко зарыдало:

– Что за наваждение? Что со мной? Ой, мама! Простите меня за грубость. Вы нормальные пацаны, только рожи сильно красные. Я слышу призывы о помощи. Дайте мне скорее тело, я спасу всех обездоленных и несчастных! Я слышу гармоничные мотивы. Какая прекрасная музыка! Я способен понимать красоту. Дайте мне краски, я хочу рисовать!

Вдруг черный волосатый шарик вновь налился ненавистью, а в глазах вспыхнула ярость:

– Вот, вам фига! Эх, жаль нет рук, я бы вам показал пару доброжелательных жестов! Убирайтесь прочь! Хватит издеваться! Дайте тело, водку, кокс и бабу! И гасите свет! Словно клизму мне поставили без разрешения, скоты ошпаренные! Добрым был – какой позор, какое унижение! Будет мне спасение из темноты! Слышу-слышу, как спешит подмога!

У махапов засияли лица. Командир оторвался от микроскопа и улыбнулся:

– Какая, к черту, подмога? Блефует сволочь. Маленькая доза. Будем знать.

Следом пошла микрочастица смыслина. Командир метко выстрелил, и началось.

Антитело вздрогнуло и, подняв глазки, строго посмотрело в увеличительное стекло:

– Я знаю в чем мое предназначение, – серьезно заявил подопытный. – Мне некогда с вами прохлаждаться. Дайте те-

ло и я пойду. В дальний путь зовет дорога добра. Быть полезным – это ли не счастье в высшей форме?

Вдруг антитело сплюнуло:

– Тьфу! Что вы мне за гадость опять подсунули? Нет, вы не эскулапы, вы – садисты! У меня только один вектор – уничтожать вас везде и всюду! Ненавижу!

Пилоты переглянулись, а командир заключил:

– Снова недобор. Учтем.

Последней под микроскоп ушла двойная порция смехагена. Командир точно попал в открытый рот волосатой мерзости, и через секунду разведчики услышали писклявый хохот:

– Да, что это со мной? Что же я так смеюсь? Какое всё вокруг смешное! Ребята, вы похожи на вареных раков! Эх, сейчас бы пивка кружечку! Спасибо вам, за то, что вы есть! Ха-ха-ха! Хотите узнать, как мое самочувствие? Лучше всех! На все вопросы отвечаю только «да»! – вдруг волосатый шарик раздулся и взорвался.

Командир оторвался от микроскопа и брезгливо сморщил нос:

– С дозировкой малость переборщил. Не беда. Главное, что действует. А что? Я доволен. Леви нам выведет точные пропорции для отчета. Население Земли известно. Главное, чтобы не получилось перебора в планетарном масштабе. Массовое помешательство нам не нужно.

Суровое Сибирское житие... Глухомань и таежные трупщобы, девственные леса и непуганные звери. Здесь, чтобы выжить, надо много трудиться, быть выносливым и неприхотливым. Но когда нутро твоё гнилое и ленивое, на работу можно наплевать и забыть о делах насущных.

В покосившейся избушке, на печи, лежал Гришка Распутин. Тяжелое похмелье и большая шишка на лбу делали самочувствие невыносимым. Но лодырь с достоинством терпел привычную муку. Еще бы – драться и сквернословить на пьяную голову было его любимым занятием. Часто алкаш слышал от односельчан: «Угомонись, гниль! Работать надо!», «Гришка, бестолочь, огородом займись! Бурьян дурнинушкой прет». На что паразит с ехидством отвечал: «Не надобно мне. Кони пущай пашут до упаду. Я – творение божье, по его образу и подобию слеплен. Раз бог меня создал, пусть дитя немытое и кормит. Труженик и лодырь – все, рано или поздно, помрем».

«Порченый» – так окрестили в деревне худосочного несуразного мужичка из новых, который, спасаясь от голодухи, притаился с поволжских степей. И точнее слова не найдешь! Сибирские мужики жалели забулдыгу и по возможности наливали. «Беженец», «Наплыв» сильно обижался, если

при разливе ядреного самогона его не замечали.

Вымерли родные, и Гришка пошел бестолково слоняться по миру, добывая, где придется и как придется, харчи на пропитание. Как-то нашел в больнице под лестницей приют, где можно было укрыться от Тюменской стужи. Пожалели медработники оборванца, но не оценила распутная душа акт милосердия. Однажды бес попутал, и проходимец украл узелок с деньгами. Снова оказался под забором и начал отстукивать гнилыми зубами мелкую дрожь. С горем пополам пристроился в трактире, где разрешали доедать за гостями. А потом плюнул и пошел бродяжничать по-взрослому, начал воровать коней. С длинным носом, с мутными кисельными глазами, весь заросший, был страшнее чёрта. Конокрадов раньше, ой как, не любили. На стыке двух столетий гужевая тяга была самой передовой и надежной в сельском хозяйстве. Конь являлся таким же кормильцем, как глава семьи, и выносливую скотину оберегали особо. Но если кто замахивался на самое дорогое, на символ сытости и процветания, эту сволочь лупили палками всем селом, частенько забивая до смерти.

Командир махапской разведки, зевая, смотрел на экран. Наблюдение утомило. Темная личность без головы продолжала неподвижно сидеть за столом. Медленно текли секунды ожидания, но ничего не происходило.

Стокар потер глаза:

– Что он застыл, чего он ждет?

– Командир, пришел ответ из ставки, – доложил второй пилот. – Направляю в блок дешифровки и вывожу на экран.

– Хорошо. Давай, – Стокар оживился и тряхнул головой. Скоро он взволнованно читал: «Совершенно секретно. Зорлиц – Стокару. Ниша не обнаружена. В справочниках не значится. Есть мнение, что это локальное облако тонкого плана очень маленького объема, похожее на часть индивидуального субстракта сознания Полигата. Рекомендую поставить жучок для получения информации».

Стокар разочарованно откинулся на спинку кресла:

– Ну, это мы уже сделали.

Вдруг командир прикусил язык и внезапно замолчал. На экране темная личность превратилась в страшного рогатого карлика размером, не больше полуметра. Уродец ловко спрыгнул с кресла, подбежал к дубовому сундуку, забрался на стул, с трудом поднял крышку, вытащил маску ворона, прикрыл ей страшное лицо, спрыгнул на мраморный пол, разбежался и исчез в стене.

– Так, спокойно, – Стокар взял себя в руки. – Сейчас попробуем прозондировать соседнее помещение. Смотрите, как дрожит стена, словно мираж в пустыне. Если этот замок и всё, что в нем находится, разновидность незнакомого эффи-

ра тонкого плана, значит, и проникновение должно быть сто-
процентным.

Командир решительно направил лазутчика на слегка вибрирующую каменную стену. Робот легко прошел видимое препятствие и очутился в огромном, хорошо освещенном зале, полном танцующей ряженной публики. Яркий свет хрустальных люстр заставил разведчиков зажмуриться. От пестрых нарядов и масок зарябило в глазах. Звучала живая музыка. Музыканты, расположившись в углу, изо всех сил выжимали из акустических инструментов ритмичные аккорды мазурки.

– Ну и ну! Что за маскарад? – хором удивилась инопланетная разведка.

Над танцующей толпой высился балкон. В ложе маячило две фигуры. Маски пучеглазого кота и черного ворона привлекли внимание командира. Стокар, не раздумывая, приблизил лазутчика к балкону. Шпион повис над дверью и показал вид сзади. Фигурой в маске кота оказался тучный человек в безразмерном полосатом костюме. Толстяк сидел на двух стульях и что-то потягивал из бокала. Рядом, в маске ворона, в черной твидовой тройке, на стуле стоял карлик и маленькими ручками в перчатках держался за перила. Между «вороном» и «котом» шла тихая монотонная беседа.

– Рад тебя снова видеть у себя, Парвус, – произнес карлик.

– Спасибо, хозяин, – отозвался толстяк и хлебнул из бо-

кала. – А вы подросли. В последнюю встречу вам не хватало табурета, чтобы видеть танцующих призраков.

– Ты наблюдательный, – не поворачивая головы, заметил хозяин. – Революция дала мне рост и силы. Потому и этот карнавал «Альтер эго». На волне энергетического всплеска праздную удачу. Вот и тебя не забыл пригласить. Этой ночью я собрал только самых достойных, свою элиту. Утром проснулся в хорошем настроении. Жаль, что только глубокая ночь, эликсир и крепкий сон мне позволяют собирать друзей.

– Да, в реале вас нет, сочувствую. Но, надеюсь, вы что-нибудь придумаете, как выйти из тени небытия и дерзко шагнуть в настоящий момент реальности, – выдохнул собеседник.

– Ох, дружок, эти сложные схемы и планы выпивают все мои нервные соки. Только и думаю об этом. Маятник революции тяготит к покою. Скоро он совсем остановится, и я снова начну уменьшаться, отдавая свои частицы новорожденным. Мне нужна большая война, а лучше две. Ученые не хотят шевелить мозгами. Ядерное оружие появится нескоро, а без него мне удачи не видать. Знаешь, что это такое?

– Нет, не знаю. Пушки раньше ядрами стреляли. Это не то?

– Не то, – сдержанно ответил хозяин. Он замолчал и уставился на танцующую толпу. – Здесь не хватает одной персоны. Сейчас мы это поправим, – карлик хлопнул в ладоши –

в дверях появился секретарь в маске крота. – Вчера получил мирскую анонимку. Хлысты сообщают, что народ прогнал Распутина. Это пугало босиком отправилось в Верхотурский монастырь замаливать грехи. Не хочу, чтобы мой новый друг доковылял. Распорядись, чтобы немедленно выдвигалась группа захвата. Пусть перекроют бродяге все пути в обитель, угостят, чем надо, и тащат зимогора сюда.

Слуга молча кивнул, откланялся и удалился.

Полупрозрачные короли, шахи и принцы, знатные вельможи, чиновники и аристократы в праздничных нарядах разных эпох с легкостью кружились в ритмах танца. Толстяк молча потягивал через трубочку приторный ликер и довольно причмокивал. Вдруг хозяин дернул клювом и произнес:

– Всё никак не могу взять под контроль собственный распад. Мой эгоцентризм настолько силен, что каждая крупинка наделена этим стержнем. Частицы не слушают меня и склонны к сепаратизму. Каждой хочется иметь свою нишу, свою емкость, свой объем интеллекта. Только смерть выбранного организма возвращает их ко мне. Лютый страх угодить в чистилище приводит детишек к папочке. Риск попасть с душой умершего в сети центрального Абсолюта не входит в их планы, потому и спешат под крышу отчего дома. Еще они прилетают ко мне во время сна, потому что справедливо считают сон маленькой смертью. А ведь так и есть. Сон – это пауза для зарядки жизненных батарей. Вот

такие пироги, дружок, – карлик с начала разговора впервые повернул голову и посмотрел на собеседника.

– Да, это большая проблема, –отреагировал толстяк. Так бы уже давно собрались. Представляю, как бы вам было просто – приказал, крикнул: «Ко мне!» и, бац, все частицы в сборе. Что вы на меня так смотрите? Что-то не то сказал?

– Нет, ты правильно мыслишь. Просто мне нужен помощник – секретарь, аналитик, бухгалтер, и просто поговорить. Как тебе? Не хочешь попробовать, насладиться вечностью?

Толстяк похолодел:

– Вы ведь сказали, что я вам нужен в реале, – он ткнул куда-то в сторону пальцем. – Я еще не готов умереть, вот, так – по просьбе в самом рассвете лет.

– Ну-да, ну-да, – хохотнул карлик. – Оставим этот разговор. Считай, что я пошутил. Ты мне там нужнее. Не волнуйся, сделаю из тебя влиятельного банкира. Будешь владеть большим капиталом и творить невероятные вещи, – хозяин отвернулся и снова стал наблюдать за танцами. – Знаешь, я готов уменьшиться до размеров клопа, если буду уверен, что в будущем это даст свои результаты и ускорит мой рост. Тебе, как будущему финансисту, не надо объяснять, что такое прибыль. Единственное, что я могу, это уплотнить частицу-сепаратиста в выбранном и обжитом сосуде, подселить туда одного, двух, сколько угодно, соседей для усиления влияния на жертву, если игра стоит свеч. Но не больше контрольного пакета, который должен оставаться у меня.

– Понимаю, – толстяк всплеснул двойным подбородком. – А что будет, если вы потеряете контрольный пакет?

– Не знаю и знать не хочу, – отрезал карлик. – Думаю, что ничего хорошего. Я не доверяю пикселям своего портрета и должен быть сильнее каждого из них. Если я вложу в кого-то больше, чем имею сам, могу потерять власть над анти-материей, а, самое главное, эту нишу. Придется плясать под дудку выпущенного из бутылки джина.

Как только вечернее солнце скрылось в таежных зарослях, сразу похолодало. Гришка посмотрел на босые грязные ноги, поежился и, поднимая пыль, ускорил шаг. Старое рубище и портки обдало холодным дыханием леса. В сумерках дорога стала теряться из вида. Длинные волосы мешали смотреть. Путник, то и дело, убирал их с лица заскорузлыми пальцами.

Отгоняя комаров, бродяга рассуждал: «Почему жизнь такая трудная и неудобная? А умирать страшно. Почему, чтобы выжить, надо пахать как лошадь. Не хочу, чтобы жизнь огорчала. Хочу веселиться на этом празднике, петь, пить, девок лапать и плясать до упаду. Грехи всегда можно замолить, без них не будет покаяния».

Стемнело окончательно, и Гришка остановился. Он испугался и задрожал. Вдруг в стороне от дороги замелькало пламя костра. Отчаяние пересилило страх и толкнуло вперед: «А вдруг разбойники? Ну и черт с ними. Пусть хоть сам дьявол. Я замерз». Бродяга ускорил шаг и углубился в чащу.

У костра сидели трое. Мужики ели, пили и оживленно беседовали. Григорий подошел ближе. Запахло похлебкой, самогонкой и табачным дымом. Гришка набрался смелости и подал голос. Путники пригласили оборванца к костру и протянули чарку самогонки. Гришка влил в себя горячи-

тельное пойло и умиротворенно выдохнул:

– Благодарствую.

Вдруг в животе заурчало, сердце забилось, как у воробья, а в болотных глазах заплясали огоньки. Картинка поплыла, как отражение кривого зеркала. Гришка увидел, как его тело трупом падает в траву, а он – прозрачный двойник, остался стоять на ногах. Гришка не узнал людей. У костра, перед ним, стояли покрытые шерстью черти. Рогатая нечисть зло- радно засмеялась:

– Что, чертей никогда не видел? Мы за тобой, червяк. Полетели.

Бесы быстро подхватили распутинское альтер эго за руки и за ноги, оттолкнулись от земли и пошли на подъем. Гришка еще раз взглянул на себя, рухнувшего и бездыханного:

– Батюшки, раздвоился! – он посмотрел на свою прозрачную руку и ахнул. – Простите, чертики ретивые, куда вы меня тащите?

В ответ только услышал:

– Не болтай, а то рот зашьем цыганской иглой.

Григорий прикусил язык и стал смотреть вниз, где под ногами мелькали верхушки деревьев. Ужасный полет освещала полная луна. Скоро несостоявшийся полонник увидел у входа в пещеру медведя и зажмурился. Зверь отошел в сторону и запустил рогатую гвардию с грузом в черный зев подземелья. Вдруг мрак рассеялся, а впереди появился замок с острыми, как рыбы кости, башенными шпилями. Ярko горели

фонари центрального входа. Черти пошли на посадку.

Григория завели в роскошный просторный зал, полный веселящейся публики. Бродяга непроизвольно зажмурился от яркого света. От лучезарности пестрых масок и улыбчиво-корявых лиц стало не по себе. Дорогие украшения, балльные платья, шелк, ситец и парча, смокинги, фраки и военные мундиры – всё смешалось на этом празднике ночной жизни. «Неужто снится? Наваждение какое-то, мираж» – новичок ущипнул себя за шею и сморщился от боли. Он увидел на балконе маску черного ворона с большим клювом, и душа похолодела. Босой и грязный конокрад стоял в центре зала и воровато озирался.

Фигура в маске ворона махнула маленькой ручкой. Вдруг лохмотья упали с плеч пилигрима, заблестел красный шелк рубашки, появились новые портки, а на ногах – хромовые сапоги. Гришка от удивления открыл рот, а «ворон» с балкона крикнул:

– Заждались мы тебя, дружок! Знаю, что танцы любишь! Ну-ка, сбавай что-нибудь, станцуй!

В оркестре заиграли «Барыню». Григорий проверил на прочность каблуки обновки и пошел в пляс. Публика захлопала в ладоши и расступилась.

Наблюдая за вычурными движениями долговязого танцора, карлик обратился к собеседнику:

– Как тебе этот хмырь?

– Хороший плясун, нечего сказать. Зачем он вам?

Хозяин пригвоздил толстяка строгим взглядом:

– Не задавай провокационных вопросов. Не твоего ума дело. Нравится он мне, этот костлявый забулдыга. Так и быть, пожертвую своим мизинцем. Думаю, прохвост его стоит.

Полигат в маске ворона снял перчатку с левой руки и сжал кулак. Хозяин отогнул крайний пальчик и повертел перед клювом, рассматривая со всех сторон. Мизинец на глазах стал черным. Чародей набрал в легкие воздух и дунул, превратив перст в облачко пыли. Палец исчез, а порция антиматерии устремилась в зал. Тучка быстро нашла Распутину, врезалась в затылок и растворилась в голове. Танцор на секунду замер, передернул плечами и еще яростнее ушел в присядку. Громко топая, раскинув в стороны руки-спицы и мотая лохматой головой, Гришка не заметил, как оторвался от пола. Неведомая сила подняла его над ряженой толпой и перевернула вверх тормашками. Танцор, как пушинка, повис в воздухе, а потом лопнул, словно мыльный пузырь и исчез.

Номер удался. Восторженная публика захлопала в ладоши и заулюлюкала. Музыканты сменили тональность и заиграли в мажоре что-то энергичное. Толпа быстро включилась и радостно задергала конечностями.

– Эффектно, – изумился толстяк. – Куда же он делся?

Фокусник спрятал беспалую руку в перчатку и опустил в карман:

– Черт с ним. Здесь он больше не нужен. Пусть привыкает к новому состоянию и оценивает возможности, – хозяин вытащил из внутреннего кармана пиджака фотографию и протянул толстяку. – Мизинец, это ерунда. Вот кому, я чувствую, придется целую руку отдать. Знаешь его?

Будущий финансист взглянул на фото. На него смотрела лысая физиономия с козлиной бородкой:

– Обижаете. Ну, кто же не знает государственного преступника номер один?! Главный ненавистник самодержавия и личный враг императора. Этот портрет висит в каждом уездном полицейском участке на стенде «Внимание! Розыск!» Сейчас залег на дно за границей. Беспорядки прошлых двух лет навсегда его лишили права приближаться к невским берегам. Думаю, революционное фиаско Ленину надолго отбило охоту заниматься политикой.

– А мне кажется, – карлик спрятал фотографию в карман, – что проигрыш борца за свободу только разозлит. Давно за марксистом наблюдаю. Я его чувствую. Больное самолюбие и жажда мщения скоро иссушат бунтаря до основания. Пора нам познакомиться поближе. Сейчас он в Лондоне на съезде оппозиции с группой радикалов от левого крыла, ломает копья в жарких спорах с соратниками. Всё никак не договорятся – выясняют, каким путем двигаться дальше. Он настроен решительно и грудью встанет за марксизм. Он

готовов продолжать борьбу до победного конца. И это меня радует. Значит, будет рост. Ладно, дружок, будем закругляться. У меня много дел. Скоро увидимся. Думаю, ты неплохо провел эту ночь за бокалом «Амаретто»? Девочки как?

– Очень хороши. Спасибо, мастер, – отозвался толстяк. – Всегда рад пообщаться с вами, всегда к вашим услугам.

Карлик хлопнул в ладоши, и банкир исчез, лопнув как мыльный пузырь. Хозяин встал на цыпочки и посмотрел с балкона вниз. Публика – полупрозрачные призраки мертвых и живых персон, отпечатки давно забытых душ, штампы прошлого один за другим последовали примеру упитанного гостя в полосатом костюме. Последними исчезли музыканты, и картинка на экранах исчезла.

– Ба! Это же наш клиент! – воскликнул командир махапской разведгруппы, разглядывая фотографию в руках толстяка. – Значит, так. Готовим еще одного лазутчика и отправляем немедленно в Лондон. Пусть отыщет объект и следует за ним по пятам. Мы должны знать все перемещения Вольёди, – Стокару стало стыдно за плохое произношение русского имени. – Мы должны опередить Полигата и помочь вождю голодных и рабов. Сделаем всё, что в наших силах.

– Как же лазутчик найдет объект? Лондон большой, – пилот заерзал в кресле.

Стокар забежал пальцами по кнопкам:

– Сначала направим шпиона в местный Скотленд-Ярд. Там, наверняка, знают, где, проживают делегаты неформального съезда и кучкуются российские политэмигранты.

– Вирзус, кто этот толстяк в маске кота рядом с Полигатом? Молмут назвал его «Парвус». У нас есть что-нибудь на будущего финансиста в полосатом костюме?

– Определенно ничего – ни портрета, ни биографии. Может, Парвус – это псевдоним или кличка?

– Скорее всего, – Стокар потер глаза.

– Шпион готов! – доложил второй пилот.

– Выпускай.

Гришка очнулся в лесу, на том же месте, где потерял сознание. Он оторвал голову от земли и увидел волка. Их глаза встретились. Вдруг зверь шарахнулся назад, потупил очи, поджал хвост и скрылся в чаще.

Росистое и холодное утро заставило мужика встать на ноги. Угли костра еще не остыли. Григорий разжал кулак – на ладони лежали зеленые малахитовые четки: «Мать честная! Откуда красота такая? Награда что ли? Не зря, значит, выплясывал». Танцор огляделся по сторонам и спрятал четки в карман.

Григорий подбросил дровишек, и пламя вспыхнуло с новой силой. Бродяга протянул ладони и согрелся: «Что за чертовщина? Неужели всё явь? А где наряд, где красная рубашенция, где сапоги? У, жулье проклятое! – мужик погрозил кулаком куда-то в небо и смачно плюнул. Он увидел в траве пустую бутылку, поднял и поднес к носу. – Чем это меня напоили? Пахнет свекольным самогоном. Наш – Покровский, узнаю пойло. Ничего не понимаю».

Григорий выкинул тару и засеменял обратно в село: «Куда я шел? В Верхотурье? А зачем? За милостью божьей? И на кой черт она мне, когда в кармане талисман чудесный? Через штанину чувствую его силу. Нет, вернусь и отомщу обидчикам за синяки и шишки».

Вновь Распутин объявился в деревне. Страшный колючий гипнотический взгляд пугал прохожих и останавливал запряженных в телеги лошадей. Люди при виде долговязого лиходея крестились и шарахались в стороны. К тем, кто не наливал водки, Гришка ночью к дому обидчика присылал стаю котов. Кошачий вой будил хозяина и вселял ужас, до утра не давая уснуть. Покровский богомольный народ обходил дом Распутина за версту, крестился и шептал: «Господи, спаси и сохрани от нечистой силы», по ночам из которого часто доносилось: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!», а также глумливый бабский смех, визг, тряски и топот.

Хорошо работало сарафанное радио. Скоро по деревне ходила молва, что Гришка спутался с «хлыстами» и подпольно собирает у себя проклятую секту. Кто-то даже видел, как пьяный Распутин с росой провожал шайку безбожников огородами в лес.

Многих замужних баб обесчестил лукавый плут, много мятой травы оставили оргии в ближнем лесу, многим мужикам наставил рога непризнанный «святоша», рискуя быть битым. Григорий был щедрым на ласки, и бабы, обделенные вниманием мужей, с радостью слушали приторную лесть и с охотой учились целоваться в губы.

Как-то ночью Гришка вдруг проснулся и прислушался. Из живота доносился низкий бас хозяина:

– Четки не потерял?

– Никак нет, – по-солдатски ответил напуганный подопечный.

– Это хорошо. Я тебя, голубчик покидаю. Слушай внимательно, что ты должен сделать. Когда пришло весточку, снимайся с якоря и шагай за Урал. Поброди по России, пообщайся с народом, вдохни колорит, пропитайся славянским духом, будь ясновидцем, пророком, покажи черни свой потенциал. Постарайся дойти до Питера. Будем внедрять тебя в царскую семью. Нас ждут великие дела, Гриша! Доверься мне и будешь на плаву. Не подведи, гаденыш. Если будешь в помощи нуждаться, покрути четки в руках и шепни одно лишь слово – «шиболет». Я сразу появлюсь. Понял? Открой рот, я выйду.

Григорий покорно раздвинул челюсти:

– Не покидай, хозяин, пропаду, битым буду.

– Я тебе оставил пороха чуток. На чудеса хватит.

– На какие?

– На мелкие.

– Мелкие от палок не спасут, – Гришка заскулил.

– Не ной, сбежишь, если что – ноги длинные.

Изо рта вылетела черная пыль, слепилась в летучую мышь и закружилась под потолком. Широко распахнулась форточка, и страшная сила скрылась в ночи.

Только брюхо перестало булькать, конокрад вскочил с кровати и упал под образа. Грешная душа взревела и зарыдала, а из глаз брызнули слезы. Утром он схватил лопату и помчался по росе, босой, на задний двор, выкопал, под стать росту, яму и забрался в нее. На крик прибежала жена и услышала:

– Эй, где ты там? Всё, Парашка, не вылезу отсюда. Ви-дишь, мать, глубина какая? Грешник я большой, молиться буду. Ой, непутевый я! И зачем на свет уродился? Ты ведь знаешь, в чем моя вина. Виноват перед тобой, перед детьми, перед людьми. Бросай мне харчи понемножку в яму, чтоб не сдох. Хлеб, вода, селедку не забудь. Если кто спросит, где мужик твой, говори – отчалил в путь-дорожку неведомо куда. Поняла? Придумай что-нибудь.

Прасковья запричитала:

– Что ты удумал, Гришенька? Разве в хате тебе плохо? Не дури. Что люди подумают? Всё равно узнают.

– Не будешь болтать, не узнают. Ступай.

– Бог с тобой, – жена перекрестила мужа и пошла в дом.

Когда через три дня Прасковья принесла затворнику харчи, обнаружила в компании с мужем двух голых девиц. Пьяный смех и громкие поцелуи вырвались из ямы. Лестница, недопитый бутыль самогонки и тронутая закуска вызвали у женщины приступ негодования и ярости:

– Что же ты, паразит, здесь устроил? Верно люди говорили, а я – дура, не верила. Скотина, ты скотина, козел блудливый!

– Я хотел, как лучше, так и знай, – огрызнулся муж и засмеялся. – Не бери в голову, мать. Я уйду. Живи, как знаешь.

Так в селе Покровском Распутина не стало. Навязав на дорожку лаптей, он исчез. Чудо страшное, чья душа была темнее ночи, растворилось в просторах российской глубинки.

В любом селе, в любом городском районе был и есть всегда свой Распутин. Маргинал, всесторонне не развитый бестолковый пьяница и нарушитель общественного порядка, живучий и неопрятный хам. Он запросто может ночевать где угодно, хоть в сточной канаве, и ходить по снегу босиком. Это товарищ без стыда и совести, неприятный соседям и окружающим, падший грешник каменного века, превративший затхлый дом в пещеру, где ни тепла, ни света и всё кувырком. Это мученик жизни, потерявший человеческий облик на прокуренном и проспиртованном жизненном пространстве грязной с тараканами кухне. И уже не выбраться никак из порочной липнувшей трясины деградации. А в сарае ржавеют косы, пилы, топоры и вилы. Утопают крепкие

мужики, пропивая мозги и волю – плотники, сапожники, гончары. Сколько их раньше срока кануло в лету, скрылось в тумане забвения, оставив после себя лишь горе, разлад и деструкцию.

Над Сибирским простором, над лесами, лугами, полями и реками, степенно махая крыльями и каркая от скуки, пролетал черный ворон – молмутский призрак укисракской династии. Путь не близкий – в пышную столицу. А внизу, куда ни глянь, – кулачные бои! Тут и там жесткий мордобой привлекал внимание птицы.

Ворон закружил над пустырем, где толпа разъяренных мужиков друг другу уродовала лица. Сразу и не поймешь, не разберешь, что случилось, из-за чего весь сыр-бор. Треск кольев, в руках рогатины и вилы, бабий вой, брань и крики, поломанные кусты. Появилась первая кровь – у бедолаги из распоротого живота выпали кишки.

Ворон каркнул, словно хлопнули дверь: «Сколько в них необузданной энергии и силы? Когда такое случается, с мужиком трудно сладить. Надо просто встать в стороне и подождать, когда остынет горячая неуправляемая лава. И потом искать виноватых. Тут словам не верят, там жену обидели или коня украли, здесь идет вражда за сенокос. Там чужих не любят, дали в морду. А виновные, козлы отпущения, всегда найдутся. Значит, арестовать и в кутузку, заковать в кандалы и на каторгу или в остроги, как героев-мучеников, на большие срока. Но время лечит. Глядишь, бесстрашные драчуны-зачинщики наказаны, синяки сошли и раны затя-

нулись, значит, день пришел – пора помириться и простить друг друга „во Христе“, напиться до чертиков и снова учинить дебош. Замкнутый круг какой-то».

Черный ворон всё летел и летел с востока на запад. Иногда крылья отдыхали. Птица каркала, стреляла глазенками и парила над необъятной Россией, продолжая размышлять: «Почему я здесь устроил логово? Почему в России всё случится? Потому что она крупная, конца и края не видно, и далеко не понята миром. Здесь легко замести следы и скрыться. Что еще надо подпольщику? В каждом мужике живет бунтарь, ночует лих болотный и бес рога точит. Давненько бытует мнение, что этот народ не может долго жить без чудес. А великий бунт – это ли не чудо? Взять и перевернуть всё вверх ногами, поднять кровавый флаг над судном и утонуть в штормах утопий.

Темная отсталая Россия, будет чудо тебе, подожди немного. Будет и во спасение мессия – пролетарский вождь с авангардом решительных и смелых. Вот, где будет разгуляться гнев и ненависти, что в тебе скопились за века! Нахлебалась ты бед и унижений от помазанников божьих. И буржуи будут разбегаться, кто куда, прятаться по щелям, как тараканы, от героя Ваньки-дурака и разгильдяя. А мужик еще пока с конем и с плугом. Скоро будет человек с ружьем в хоромах свергнутых аристократов бороться тревожным сном с приступами голода и согреваться кипятком, спасаясь от дворцо-

ВЫХ СКВОЗНЯКОВ.

А в тайге скрываются общины староверов. Ушли в лес от новизны безумного мира, чтобы не попасть под беспощадную колесницу прогресса. Много их тут, старообрядцев, с тонкой душевной организацией, мясо не едят, предпочитают ягоду-малину. Всё хотят быть незамеченными, чистенькими, отсидеться в сторонке, не замараться грехами мирской жизни. Но их молитвы уже не остановят бронепоезд прогресса и нужных мне потерь. Двадцатый век даст топливо. Я раскочегарю топку добела и получу идеальный парок. Тени декабристов поднимутся из могил и выйдут из тайги. Староверы, стоя на коленях, устанут молиться в пустоту, понимая, что всё земное горе от неумного ума человеческого».

Ворон закружился над Ходынским полем. Огромная безлюдная пустошь источала безмятежное спокойствие. Вспомнились торжества по случаю коронации Николая Второго. Полигат наблюдал эту трагедию с высоты птичьего полета: «А народу было – тьма-тьмущая, не видно края! Люди необузданной массой толпились на поле. Толпа кипела, громко проклиная теснотищу. Море человеческое разволновалось и вышло из берегов. Люди давили друг друга, мочились под себя, погибали от удушья и переломов. Трещали косточки и грудные клетки. Детей подсаживали наверх, чтобы хоть как-то уберечь. Они с плачем бежали по головам взрослых болванов к краю бурлящей биомассы в надежде

на спасение, спотыкаясь и проваливаясь в кипящий котел с человечинной. Да, глупость слепа и беспощадна! В тот раз были побиты все рекорды. Когда гулянья закончились, наступило утро и осветило горы мертвых тел. В басурманские походы такого не увидишь. Словно Мамай прошел. Ежегодные хаджи паломников в Мекку частенько заканчиваются тем же. Что называется – перегнули палку».

Ворон и раньше кружил над этим полем. Сделали пуштошь горьким неоправданные людские жертвы. Вспомнились торжества при Екатерине Великой в честь турецкого мира. Мать-кормила проявила волю и на этом же месте дала добро на пышные гулянья с хлебом-солью: «Ничего не изменилось. Ой, Ходынка, – роковой пустырь, жертвенное поле! Сколько здесь подавлено голов?! Хорошо помню, как ноги мужиков топтали баб, стариков, детей, калек и пьяных, чтобы пробиться к подаркам. На лотках ждали самых сильных, борзых и наглых дармовые кулечки с харчами и леденцами. А в небе салюты – бах! Бах! Бах! Заглушали истошные крики раненых. Пока я здесь, никогда народ не научиться в меру радоваться и горевать. Словно в крайность идет в бунт и в веру. Пока мужик беден, никогда не перестанет обожать на халяву горячий чай с калачами и царские щедроты, пышные гуляния с угощениями и пляски во славу доброго монарха».

Ворон каркнул, махнул крыльями и полетел дальше.

Через несколько секунд шпион-оператор показал картинку британской столицы: Биг Бен, Темза, смог, Пикадилли – всё, как положено. Европейский уровень устройства городского быта, архитектура, омнибусы, чистота и порядок восхитили инопланетян. Лазутчик без труда нашел центральное управление полиции, проник внутрь помещения, быстро облетел все кабинеты, собрал информацию и выскочил наружу с черного хода.

– Есть контакт! – обрадовался командир. – Шпион узнал адреса всех нелегалов.

Сейчас просеем эту кучу и найдем нужный.

Скоро на экране появился подъезд, из которого вышел низкорослый человек в черном костюме с котелком на голове. Мужчина посмотрел по сторонам и уверенно зашагал по тротуару.

– Это наш объект. Следуем за ним. Только почему без бороды? – командир поделился мыслями вслух.

– Ясно почему – конспирация, – вставил третий пилот.

– Похоже на это, – согласился Стокар. – Не забыли нашу задачу?

– Ждем удобный случай, чтобы поделиться с объектом препаратом.

– Верно. Будем вести клиента, пока не подвернется под-

ходящий момент. Но, самое главное, чтобы Вольёдя ни о чем не догадался. Он должен проглотить «Триэс», не подозревая, кто за этим стоит и что его ожидает. Выразусь словами нашего подопечного – конспирация и еще раз конспирация! Вы слышали, что Полигат готов пожертвовать нашему клиенту целую руку. Представляете, какая масса антиматерии скоро перекочет в сосуд? Это страшно, – командир прикрыл розовой ладонью открытый рот. – На что надеется молмут?

– Что вместо одной получит десять рук, – усмехнулся четвертый пилот.

– Да, – Стокар ткнул пальцем в соседа, – Полигат надеется на отдачу. Через год или десять, но антиматерия вернется в десятикратном размере. Молмут уверен, что получит ее, подрастет и заметно увеличится в размерах. Посмотрите прогноз. Это просто кошмар! Передел мира и раскол на два враждующих лагеря неизбежен. Люди надолго забудут о спокойствии. Я, как авторитетный землеолог, заявляю, что планете грозит глобальная катастрофа. Вот и приложите кулак к носу. Мы должны, хоть как-то, этому помешать.

– А каким образом ВУЛ имеет отношение к первой мировой? – спросил дешифровщик.

– Кто такой Вул? Вельзевул что ли? – Стокар недоуменно округлил глаз.

– Наш клиент – Владимир Ульянов-Ленин. Сам говоришь – конспирация.

– А. Ну, не до такой же степени, – улыбнулся командир. –

Да, наш объект не имеет к мировому конфликту никакого отношения, но одно вытекает из другого. Революция, как тесто, поднимется на дрожжах войны. Зато кайзер Вильгельм Второй имеет. Вот список лиц, которые надо навестить и угостить препаратом, – Стокар нажал на кнопку. На экране замелькали портреты и биографии исторических лиц с повышенной массой антиматерии. – Так что работы много, – командир встал, посмотрел отеческим взглядом на экипаж и откашлялся. – Друзья, давайте не будем забывать, что мы дипломированные землеологи и долгое время изучали геополитические проблемы этой планеты. Нам, как никому, известно, в чем причина всех земных бед. Никто, кроме нас, не сможет помочь людям, не изменит ситуацию к лучшему, не оздоровит политический и социальный климат.

– Хорошо сказал! – пилоты захлопали в розовые ладоши. – Сделаем всё, что в наших силах. Лишь бы препарата хватило.

– Да, с препаратом начальство просчиталось. Здесь нужен мощный кумулятивный снаряд и много-много манной небесной, чтобы вывести из строя эту чертову нишу, гнездо молчунского паука. В отчете я всё укажу.

Объект, в свете вечерних фонарей, быстро шел по лондонской брусчатке, лавируя между прохожими. Эмигрант огибал столбы и афиши, ловко перепрыгивая через лужи.

– Куда это он, на ночь глядя? – спросил третий пилот.

– Может в гости намылился? – предположил механик-электронщик.

– А, может, бессонница и решил прогуляться? – врач посмотрел на командира.

– Вполне возможно. Сейчас узнаем, – Стокар внимательно следил за движением опального политика.

Объект остановился, оглянулся, посмотрел по сторонам и нырнул в незнакомый подъезд.

Командир сразу обратился к бортовому компьютеру:

– Леви, кто здесь живет?

– Одну минуту, – прозвучал металлический низкий баритон искусственного интеллекта. – Пролетарский писатель Максим Горький, приглашен на съезд в качестве гостя. Это псевдоним. Настоящее имя – Алексей Максимович Пешков.

– Горький? Его нет в нашем списке. Проверим писателя на инфекцию. Сколько в нем молмутской гадости? Просканируйте его мозг локационным инфектором.

Шпион-оператор, приблизившись вплотную, показал затылок хозяина квартиры.

– Готово, – доложил первый пилот.

– Совсем немного, в пределах нормы, – командир посмотрел на результат и задумался. – Леви, они что, друзья?

– Нет. Всего третий раз видятся. Обращаются друг к другу на «вы», – откликнулся электронный мозг корабля.

– Интересно, что прагматика и стратега привело к творческой личности? – Стокар почесал розовую лысину. – Лад-

но, готовим для обеих персон энцефалографические датчики. Леви, – командир поднял голову и сказал в потолок, – все волновые колебания мозга переведешь в цифру и выведешь на дисплей.

– Задачу понял, – отозвался бортовик. – Выводить в виде картинок или текста?

– И то, и другое, – Стокар крутнулся в кресле. – Как считаешь нужным. Главное, чтобы не нарушилась последовательность, сохранилась суть и не порвалась логическая цепочка. Прояви смекалку, она у тебя есть. Перед вылетом Гревер удвоил быстродействие блока аналитического резерва и в вычислительном модуле свел на нет коэффициент погрешности интуитивных реакций.

– Как будем внедрять датчики? – механик-электронщик посмотрел на командира. – в комнате повышенная влажность.

Стокар посмотрел на экран и приблизил изображение:

– Что это там пищит под потолком?

– Комар.

– Вот! – командир поднял руку и показал указательный палец. Готовьте четыре макета, доставка – микропутем в контейнере, место установки – лоб и затылок. И один датчик дополнительно поместите в резервную обойму на случай неудачного внедрения или промаха.

– Готово!

– Выпускайте!

Космический корабль выстрелил в ночь маленьким, чуть больше сантиметра, цилиндрическим предметом. Микроракета с эфирным ускорителем выпустила маленькие крылышки и скрылась в темноте. Челнок с «комарами» развил сверхзвуковую скорость и устремился к берегам туманного Альбиона.

Марксист не вошел в квартиру, а ворвался. Оторопевший писатель от неожиданности сделал шаг в сторону и пропустил гостя. Ленин снял кепку и поздоровался:

– Решил прогуляться перед сном, проходил мимо, дай, думаю, зайду. Извините за внезапное и столь позднее вторжение в личное пространство, – оратор прошелся по комнате, провел пальцем по подоконнику, определил толщину слоя пыли и встал у кровати. – Последнее время совсем потерял сон. Эти склочные дебаты выжимают из меня все соки. Завтра обязательно будьте на заседании и непременно с пивом. Делегатам ваша затея очень понравилась, когда в кармане по три шиллинга. Ох, как бы не пришлось сворачивать съезд и разбегаться из-за финансовой нехватки. За аренду помещения уже платить нечем. Но завтра еще выстоим, завтра я всыплю меньшевикам! Будет разгромная речь. Так что приходите. Вас это позабавит, а мне будет приятно. В ваших глазах я вижу поддержку и понимание. Борьба с самодержавием не окончена, война с помазанниками продолжается. Нет в них больше ни искры, ни света. Это уже не стена, не монолит, а труха, ткни пальцем и развалится. Рано или поздно мы докажем это, левое крыло обязательно возьмет реванш.

– Хорошо, я приду, и бочонок не забуду, – писатель слегка кивнул головой и прищурил глаз, закрывая слизистую

оболочку от табачного дыма. Горький специально закурил. Он знал, что гость не выносит запаха табака, и это ускорит его уход. Писателю поскорее хотелось лечь и расслабиться. Лондон со своей повышенной влажностью был невыносим. Больные легкие требовали тепла и сухости, хотелось обратно в Италию.

Идейный вдохновитель, гегемон партии, носитель ценных и единственно правильных истин с бегающими живыми глазами и приторной улыбкой продолжал выгибать перед писателем рукой. Неожиданно гость провел ладонью по хозяйской постели:

– Ты смотри-ка – сухо. Очень странно.

Писатель возмущенно выпустил в марксиста струйку вонючего дыма:

– Что вы себе позволяете? Вы на что намекаете?

– Успокойтесь ради аллаха, – брызнул смехом гость. – Просто лондонский туман очень вредный, проникает в любую щель и увлажняет простыни. От этого проклятого смога постоянно тянет какой-то плесенью и затхлой гнилью. Надо хорошо закрывать окна и двери. Ну, теперь-то вам, голубчик, всё ясно? Не бережете вы свои легкие, курите много. Кхе-кхе! – гость закашлял. – Лечиться вам надо. Туберкулез, бронхиты, астма, ревматизм в этом ужасном климате обильно процветают, – Ленин показал, что неплохо знает медицину. – Надо, надо, милок, себя беречь. Вам прямая дорога на юга, к морям поближе, где климат жаркий и су-

хой. И не ждите чудес свыше. Здоровье вам с неба не упадет. К врачам идите, дорогой мой, а лучше к зарубежным. Русские врачи лечат крайне плохо. Не угнаться за Европой нашим туфточам, всё в хвосте плетутся и, как двоечники, списывают у соседа.

Вдруг писатель и политик синхронно хлопнули себя по затылку и лбу. Вождь обездоленного племени убрал с лысины убитое насекомое:

— Дорогой мой человеке, сколько у вас тут комаров! Впрочем, как и у меня в комнате. Эти проклятые кровососы определенно мешают отдыхать. С ними просто невозможно выспаться.

Горький молча слушал и улыбался. Был забавен этот ниже среднего с быстрой речью энергичный и непосредственный человек. Всё в нем подкупало и вызывало улыбку: как ходил, держался и картавил, как стрелял колючими глазками и смеялся, собирая морщинки у глаз. Писатель знал, что это всё прелюдия. Ленин зря не приходит. И терпеливо ждал, когда разговор повернет в деловое русло. Алексей Максимович чувствовал, как от партийного лидера исходят флюиды отваги и решительности. Лицо марксиста не покидала печать самообладания. Писатель знал, что причин для шуток и смеха мало. Ленин завтра снова ввяжется в словесную перебранку и будет стоять на съезде в эпицентре склоки. Истинный боец, крепкий, знающий, опрятный и одинокий, снова будет

тратить нервы и срываться на крик. Писатель затушил окурок:

– Спасибо за совет. Заботитесь, словно мать о сыне. Ни к чему же. Всё в порядке. Я не люблю спать на перине, предпочитаю на жестком. Лучше всего на полу.

– Что радикулит скривил осанку? А у меня желудок плохой. Только кашами и спасаюсь, – марксист притворился больным. Ничего людей так не сближает как общие недуги, как разговор о здоровье. Хранитель партийной казны всегда был при наличных и никогда не жаловался на аппетит. Желудок легко справлялся с любым деликатесом.

Писатель интуитивно понял тактику вождя и подумал: «Многие даже гордятся, что имеют разные болячки и любят, когда их жалеют. Человек по-своему дорожит шрамами на теле и ведет им летопись в уме. Так, наверно, устроен любой человек. Нехватка сочувствия и дефицит обычной жалости делают нас такими. Никто не знает, сколько протянет, проживет. Что там этой жизни?»

Горькому захотелось перейти на «ты» и сказать гостю в глаза: «Ну ты и плут. Видели тебя, как ты семгу уплетаешь за обе щеки». Писатель был чуть старше политика, но что-то удержало его: «Вместе не бродили босиком с котомками за плечами, не хлебали лаптями щи». Всё же цельность и полнота характера гостя вызвали симпатию. Много Горький на своем веку видел разных умников. Этот же был особенным. Еще в первую встречу у писателя зародилось духов-

ное влечение к виртуозному оратору. Сейчас оно увеличилось втрое.

Над Темзой сгустился туман. Мелкая изморось покрыла окна. Ленин, улыбаясь, продолжал:

– Да, друг мой, забочусь и скажу честно – вы, как писатель со своими чувствами и душой, нужный для страны. Ваши проза и стихи очень верны. Как вы тонко чувствуете время?! Я поражаюсь! Ваши «Буревестник», «Мать», «На дне» отразили самую суть, всю рутину царского режима. Всё равно помазанников божьих мы когда-нибудь сдадим в архив истории, рано или поздно победим, – Ленин глазами оракула посмотрел сквозь стены. – Мы разрушим всё до основания и построим новое славное общество, новый быт. Всё будет новое – жильё, друзья, желания. Бич нужды исчезнет навсегда. Будет также новая культура. Вот, тогда, мой друг, точите перья, карандаши и запасайтесь чернилами. Всё старое сдадим в макулатуру. Будет у нас новое добро.

Писателя тронул футуристический порыв гостя. Иногда простая мимолетная похвала становится огромной и приятной наградой. Мелькнула мысль: «А ты мечтатель». Горький кашлянул и подал голос:

– Красивые мечты. Спасибо за оценку. Я всего лишь наблюдатель, отражаю ходы времени. Новое добро? Не понимаю. Не бывает, сударь, нового добра. Оно во все време-

на одно и то же. Нравственность – неизменная величина, это я знаю точно. Старая философия. Нужна связь времен и чем крепче, тем надежней, тем полезней для будущих поколений – растет качество нации, а стабильность убирает погрешность в развитии. Только в связи будущему быть. Наша жизнь не материал, не отрез из ателье вселенной, ее надо очень осторожно резать и кроить».

– Вот и чудесно. Значит, есть проблемы. Вы не против, если я вам напишу? Вы ведь на Капри будете лечиться? Слабоват я, батенька, в философской теме. Подтянуть меня чуток прошу, – Ленин протянул руку. – Ваши познания и пролетарское мышление вызывают у меня большой восторг! Ваши былые заслуги для партии тоже. Сколько мы не без вашей помощи получили в кассу денег? Ведь без них мы ни вперед, ни назад – топчемся на месте. Ваши сборы, разговоры с купцами и буржуями дали ощутимые результаты. За наследство Шмидта отдельное спасибо! Вырос запас нашей прочности. За купца Морозова благодарю, – лидер продолжал трясти руку писателя. – Жалко Савву, сколько нам помог?! Верил в бога и нательный крест носил, думал, что за ошибки и просчеты там взыщут, – Ленин ткнул пальцем в потолок. – Думал, спросят: «Как ты тратил средства?» Помощь нам посчитал ошибкой. Только где он, бог? Я тоже в детстве с мамой храм церковный посещал по воскресеньям. Опиум это всё для темного отсталого и слепого народа, чтобы легче в узде держать и управлять мужиком. Только рвется всегда там, где

тонко. С нами уже этот фокус не пройдет».

Горький вдруг вскипел, убрал руки в карманы брюк и сделал шаг назад:

– Слушай, ты, голубь сизокрылый, оставь бога в покое! Ваша секта его еще не обрела и замену не создала. В вашу сказку длинная дорога, проще и быстрее угодить на облака.

– Мы уже на «ты»? Хорошо. Прекратим этот разговор. Вижу, голубчик, ты марксист неважный. Только мы не секта, а партия и сами с усами. Нашим богом будет наша цель! Это неиссякаемый маяк, который видно издалека.

– Это иллюзия, – спокойно заключил писатель. Он изрядно устал от этой говорильни. – Когда вы подойдете вплотную к маяку, цель исчезнет. Бог – это то, к чему невозможно приблизиться.

– Почему? – Ленин недоуменно округлил глаза.

– Потому что он вечный. Мы внутри него, а он внутри нас.

– Как это? – слабая сторона гостя полезла наружу. – Не понимаю.

– Вот и хорошо. Я тоже, но очень хочу понять. Когда всё будет известно, жить станет скучно и перестанем общаться. Давайте я вас провожу, – писатель подтолкнул гостя к двери.

– Да, товарищ Горький, у меня к вам просьба, – марксист попятился к выходу.

– Ну, наконец-то. Я слушаю. Излагайте быстрее, я спать хочу.

– Есть тут, в Лондоне, один мыловаренный делец, фами-

лия на «Ф» как-то. Короче, неважно.

– Фелс что ли?

– Да, он самый. Надо сделать так, чтобы этот зажиточный капиталист поделился немного и помог нам деньгами. Де-нежку у него займем, а вы будете гарантом. Он доверяет вам. Сделку с магнатом заключим по всем правилам у нотариуса. Алексей Максимыч, по рукам?

Ладони политика и писателя встретились и сжались. Горький подумал: «Доверяй, но проверяй» – и с сомнением посмотрел на гостя:

– Надо бы еще кого-нибудь взять.

– Хорошо, обязательно возьмем из социалов. Есть один знакомый английский демократ, наш человек.

– Чувствую, что хотите взять немало. Отдавать-то будете назад?

– Заём большой, сделку составим на год. А насчет возврата, – Ленин прищурил один глаз, – скорее всего не вернем. И не будь, товарищ Горький, таким мелким. Мы в борьбе, классовая вражда только растет. А кто наш враг? Правильно – капиталист. На обман обязаны идти. Хоть и Фелс сочувствует марксистам, всё равно у нас с ним пути разные. Не беда, ничего с ним не случится, не обеднеет. Мануфактура даст прибыль и покроет убытки. У него в банке балласта – завались. Надо нам хитрить, голубчик, а как иначе? Ведь газеты надо выпускать, нашим эмигрантам, осколкам партии, помогать. Из России в спешке бегут за кордон и знают, что

товарищи их ждут. Имущество партии разбазаривать не имеем права. Сразу надо жильем обеспечить и деньжат подбросить на первое время – «диету» на прокорм. Ведь не для себя стараюсь, о народе думаю. Сам, порой, голодаю. Экономлю, брат, на всём. А в данной ситуации у нас даже нет средств, чтобы разъехаться нормально. Всё, что выделялось на съезд уже разбазарено. Дания, Швеция – только с третьей попытки нашли здесь пристанище. А это всё переезды, траты, головная боль, – такая откровенность подкупала, делала соучастником и компаньоном. Она, завязав путы тугим узлом, крепко держала и не отпускала. – Ладно, пойду отдыхать. Завтра у меня тяжелый день. Утром надо быть как огурчик. Да, завтра в прениях будет жарко, обещает быть большая драчка! Надо убедить делегатов принять важную резолюцию. Или пан, или пропал. Дождь вроде прошел. Эх, Лондон, комариное болото. То ли дело Рим, Берн и Париж. Спокойной ночи!

Ленин хлопнул дверью и исчез в темноте коридора. Робот-шпион показал освещенную фонарями улицу и поспешил за объектом наблюдения на съемную квартиру.

Экипаж махапской разведки вопросительно посмотрел на командира:

– Что будем делать?

Стокар выдержал паузу и хлопнул себя ладонями по коленям:

– Значит так. Наш клиент в опасности. Полигат в любой момент может попытаться наполнить сосуд антимагией. Если опоздаем – вся операция насмарку. Мы должны опередить молмута! Если Вольёдя примет наш препарат раньше, это поможет великому практику избежать мутации в сознании. Препарат надо развести в воде или в любой другой безалкогольной жидкости. Объект должен выпить лекарство, значит, надо идти на сближение. В целях безопасности корабль не покинет лес. Тогда срочно готовим прилипун! Я лично отправлюсь и продолжу ход операции, – командир почувствовал на себе недовольные взгляды. – Спокойно. Вопрос решен. Всего-то надо побыть пару земных часов невидимкой, подмешать триэс в ночную простоквашу и проследить, чтобы лекарство было выпито. Ну куда мы все вместе? Вы посмотрите, какая там узость и кривизна улиц. К тому же ночная жизнь бурная и куча свидетелей. А вдруг какой-нибудь форс мажор и маскировка исчезнет? Мы не имеем права себя рассекретить. Я постоянно буду на связи. Так что

вперед, за работу, – дисциплинированные пилоты согласно кивнули и уткнулись в рабочие экраны.

Стокар достал из сейфа коробочку с препаратом и спрятал в кармане умного комбинезона. В оружейной комнате из личного шкафчика он взял миниатюрный фотонный пургомёт. Оружие приятно охладило ладонь. На рукоятке махап поставил «флажок» на цифру «5». Это означало, что неприятель или ненужный свидетель, получивший в голову фотонную «пулю», должен отключиться с потерей зрения, памяти и устойчивости в ногах ровно на пять минут. Заряд в голове разрывался на сотни фотонных иголок и блокировал нужные рецепторы мозга. При другой настройке пургомет мог запросто врага лишить жизни. Но сверхсекретная операция диктовала другие условия.

Стокар спрятал оружие в кобуру и взял с полки прозрачный пакет с надписью: «перчатки-невидимки», положил в карман и подошел к двухметровому белому шару, выполненному из легковесных полимеров и сверхпрочных сплавов.

Механик открыл люк:

– Прилипун готов. Управление проверил, реактор в порядке, коэффициент липкости в пределах нормы.

– Хорошо. В кассету вакуумной пушки зарядил лазутчика?

– Зачем? Ты же туда и обратно. Мы сами резиденцию просканируем. Там, в Лондоне, у тебя есть один. Не оставляй

его там, забери обязательно. Их и так у нас осталось мало, – механик подкрепил просьбу кислой миной.

– Ладно, уговорил, – Стокар хлопнул друга по плечу.

Командир забрался внутрь, где с трудом разместился в кресле пилота. Это был летающий аппарат, рассчитанный исключительно на одно посадочное место. Приборная панель, рычаги и кнопки – всё было перед самым носом на расстоянии вытянутой руки. Стокар задраил люк и нажал кнопку «старт». Пошел обратный отсчет. Командир дунул в экран видео связи и махнул рукой. – Готов. Поехали!

В одно мгновение прилипун покинул космический корабль, бесшумно набрал скорость и исчез в темноте. Через две минуты над британской столицей челнок-невидимка перешел в режим экстренного торможения и пошел на посадку.

Махапский землеолог по навигатору без труда отыскал нужный дом и направил прилипун к окну на втором этаже. Аппарат выпустил мощные вакуумные присоски и зафиксировался на вертикальной стене. Земное притяжение вдавило разведчика в кресло. Бортовой компьютер оповестил сигналом о возвращении микропута. Стокар нажал на кнопку, открыл лючок и впустил маленький цилиндр в челнок. Разведчик машинально разделил носитель на две половинки, обнаружил резервную обойму целой и невредимой, снова закрыл и поместил капсулу в отверстие для подзарядки эфирного

ускорителя. Стокар с трудом натянул перчатки, не увидел в зеркале свое отражение, одобрительно кивнул, выбрался наружу и закрепился на карнизе.

В комнате горел тусклый свет и маячила тень постояльца. Русский эмигрант готовился ко сну. Когда объект исчез в уборной, Стокар открыл форточку и бесшумно проник в помещение. Из душевой доносились звуки льющейся воды и фыркание квартиранта. Махап огляделся. Рядом с разложенной кроватью стояла тумбочка, на которой красовались стакан молока и пирожок. Разведчик подошел ближе, достал ампулу с препаратом и вылил содержимое в белую жидкость. Скрипнула дверь уборной, и появился умытый квартиросъемщик. Махап бесшумно попятился назад и застыл у окна. Ленин в нижнем белье, напевая под нос «Дубинушку», подошел к тумбочке, в три укуса съел пирожок, выпил залпом молоко, выключил свет и забрался под одеяло. Через минуту разведчик услышал тихий храп и облегченно выдохнул. Стокар покинул квартиру, залез в прилипун и включил экран наблюдения. Русский политик мирно спал.

Вдруг на приборной доске замигала тревожная кнопка. Стокар уставился на радар инфекционной плотности, где в эпицентре зеленой точкой маячил объект наблюдения. С северо-востока к маячку быстро приближалось большое черное пятно: «Полигат атакует. Всё, что могли, мы уже сделали. Слава богу, успели» – мелькнула мысль, и Стокар переключил эфирный преобразователь. Разведчик увидел, как

в окно квартиры залетела черная маленькая, совсем детская, рука. Она зависла над головой спящей жертвы, пошевелила пальчиками, построила одну за другой конструкции: «дуля», «коза», «плэйбой», «о, кей» и, сжавшись в шарик, исчезла в черепе эмигранта.

Стокар прекрасно знал, что экипаж внимательно наблюдает за происходящим и всё равно вышел на связь:

– Липкий вызывает базу. Вы видели? – эмоции переполнили командира, но он быстро взял себя в руки.

– Да, конечно. Мы ведем запись. Что будешь делать?

– Подежурю немного и возвращаюсь.

– Будь осторожен.

– Постараюсь, – командир обвел ироническим взглядом тревожные лица пилотов и переключил дисплей в рабочий режим.

Стокар вывел на экран показания энцефалографического датчика. Волновые колебания мозга объекта в режиме реального времени заставили бывшего разведчика ужаснуться.

Крепкий сон запеленал Владимира в смирительную рубашку и, разъединил связь с реальностью. Вдруг в сумерках сознания появилось изображение. Великий оратор увидел живописный пейзаж с перелесками, зеленой травой и чистым утренним небом. Политик взошел на покрытый поле-

выми цветами холм и посмотрел в лучезарную даль. Владимир ощутил необычайную легкость во всем теле. Какая-то, давно забытая детская радость охватила спящее сознание цельной натуры. Он держал на руках пушистого белого кролика, гладил по спинке, нежно трепал за уши и кормил морковкой.

В чистой лазури неба появился размытый прозрачный силуэт огромного глаза. Нереальное видение циклопических размеров колыхалось, как волна от легкого бриза. Политик завороченно смотрел на чудесный мираж, наслаждался беспечным сиянием оптимизма, легким дуновением доброй силы и приятным ароматом полезности. Появилось ощущение, что в упор смотрит светлое будущее. Пришло убеждение, что это, несомненно, всевидящее око, может мыслить и говорить. Возникло сильное желание пообщаться, спросить и узнать что-то важное.

Вдруг боковым зрением Владимир увидел в небе черную точку. Она быстро приближалась и увеличивалась в размерах. Не успел политик понять, что происходит, как черное ядро, словно выпущенное из пушки, ударило в голову, и картинку залило чернилами.

Яркая вспышка света разогнала крошечную тьму. Вновь появилось изображение, а с ним разочарование и тревога. Глаз и кролик исчезли. Владимир увидел свою внушительных размеров голову, торчащую из земли, а перед ней на вороном коне темного всадника. Черный плащ, острый меч

и рогатое ведро на голове делали образ устрашающим. «Прямо как у Пушкина. Черномора, черт побери, только не хватает» – мелькнула мысль. Политик стоял в стороне и взволнованно разглядывал себя огромного в английской кепке вместо русского шлема. На бородатом лице, размером не меньше трехэтажного дома, застыла гримаса недовольства и следы нервного истощения. «Почему борода? Я же сбрил ее для конспирации, – пронеслась спонтанная мысль в спящем сознании мастера красноречия. – Что происходит? Ничего не понимаю».

Темный всадник спешил, подошел вплотную и глумливо пощекотал мечом в ноздре исполинской головы:

– Ты живой там? Ау! Ну, чтопустишь напостой? Мне жить негде. Не глупи, Вова, открой рот.

– Чхи! – голова не сдержалась и чихнула. Странник ловко отскочил в сторону, и облако распыленной влаги прошло мимо. – Ты кто такой?

– Я твой лучший друг, помощник и советник, твои решительность, стратегия и тактика, защитник идей и планов. Открой же ротик, приятель, впусти корефана.

Голова презрительно плюнула:

– Ты мне не друг, а скорее наоборот. Мне не нужна твоя помощь. Обойдусь без сопливых. Проваливай, убирайся к дьяволу, черт рогатый! Если друг, зачем ведро напялил? Сними, покажи глазки, не прячься!

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – черный

рыцарь больно ткнул мечом говорящую голову в нижнюю губу. Брызнула кровь и раздался крик боли. – Ха-ха-ха! – зло-радно засмеялась темная личность.

Рот широко открылся, и рогатый воин быстро забежал внутрь. Снова чернила залили изображение, и картинка исчезла.

– Нет! – Владимир проснулся, перевернулся на живот, свесил голову с кровати и начал плевать. Страх охватил сознание. Политик сел на кровать, обхватил голову руками и закачался. – Что это было? Так всё хорошо начиналось.

В страдальческой позе Владимир просидел до утра. Пару раз он «клевал» носом, но тут же просыпался, опасаясь продолжения кошмара. Как только забрезжил рассвет, измученный организм обессилел, и марксист, против своей воли, отключился. Сознание провалилось в забытие, словно в темную бездну.

Махапский разведчик взглянул на приборы. Экран энцефалографического датчика был без картинки в черно-белую рябь. Внимательно наблюдая за происходящим, Стокар связался с базой:

– Полигат затаился в сосуде, видимо осваивается. Чует мое сердце, при первой же возможности случится полный захват сознания. Надо удвоить дозировку препарата, иначе мы потеряем Вольёду. Молмутская зараза раздавит его, – проинформировало пустое кресло.

– Правильно, командир. Мы тебя полностью поддерживаем, – на экране пилоты одобрительно закивали. – Дождись удобного момента и действуй. Только перчатки не снимай. Невидимость идеальная.

– Так и сделаю, – командир согласно кивнул и выключил связь.

Поздним утром, когда через открытое окно шум улицы проник в комнату, партийный лидер резко проснулся. На удивление тело не чувствовало разбитости и усталости. Владимир взглянул на часы и засуетился:

– Черт побери! Проспал. Я опаздываю, – политик выругался и поспешил в уборную.

Он быстро умылся, оделся, выскочил на оживленную улицу и спортивным шагом засеменил по намеченному маршруту.

Инопланетный летающий аппарат-невидимка отлепился от здания, поднялся на безопасную высоту и направился следом.

Прения и дебаты на съезде были в самом разгаре. Зал гудел как пчелиный улей. От табачного дыма слезились глаза. Делегаты спорили, толкались, хватали друг друга за грудки и выкрикивали с мест в адрес очередного оратора реплики, обидную брань и нецензурщину.

Махапский разведчик, прилипнув к зданию церкви, молча наблюдал на экране за шумным собранием, больше напоминающее лекцию в сельском клубе или базарную перебранку. Робот-шпион показал объект. Владимир сидел на корточках и, положив бумажный лист на колено, второпях го-

товил конспект для выступления. Когда бумага была исписана тезисами и шпаргалками, лидер партии проворно вскочил на трибуну и обвел аудиторию спокойным взглядом авторитета. Зал тут же перестал гудеть. Вожак выждал паузу, добившись полной тишины, и приступил к докладу. Помогая себе жестами, политик красноречиво стал излагать свою позицию, подкрепляя речь аргументами, доводами и фактами. Зал снова зашевелился. Несогласные стали высказывать недовольство. В оратора полетела словесная грязь.

Стокар сморщился и закрыл глаза: «Это надолго. Отдохну, поберегу нервы. А лучше письмо супруге придумаю и отправлю по каналу секретной связи». Махап включил энцефалогрфический передатчик, закрепил клемму на лбу, откинулся на спинку кресла и задумался. Он с чувством стал подбирать слова и с приятным трепетом складывать их в предложения, заполняя волновыми колебаниями мозга блок памяти. Стокару нравился этот вид связи: «В полном расслабоне всегда приходят самые верные и точные мысли». Закодированный ряд картинок, образов и тембра голоса в сжатом виде со скоростью мысли отправлялся на родную планету. Через считанные секунды супруга получала депешу, включала криптографический преобразователь и оцифрованный материал читала, смотрела и слушала на компьютере.

«Здравствуй, любимая Диора! Вот нашел свободную минутку для письма. У меня пока все ровно. Операция идет

в штатном режиме. Мы нашли преступника, только санкцию на арест некому вручать. Полигат пребывает в распыленном виде, что пагубно отражается на всех обитателях планеты. Туго приходится землянам. Даже и не знаю, как сказать. Всё пошло не так, как хотелось. Люди здесь сильно отстали в развитии. До нашего уровня им еще расти и расти. Конечно, они не виноваты. Молмутский вирус тормозит процесс движения в нужном направлении.

Здесь каждый выживает, как может. Жадность, корысть и еще куча разных пороков переполняют людей. Вирус сушит мозги. Сочувствия нет, а равнодушие есть. Человек старается не замечать тяготы и беды окружающих. У самого проблем – по самую макушку. Эгоизм, зависть и злорадство убивают дружбу. Здесь каждый сам за себя. В умах людей только звон монет. Если будут деньги – будешь сыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.